

ОЛЕГ ЕЛШИН

БЕСТСЕЛЕР

МИЛЛИОН ДЛЯ ГЕНИЯ

СОВРЕМЕННЫЙ ЖЕНСКИЙ РОМАН

Олег Игоревич Ёлшин

Миллион для гения

Текст предоставлен правообладателем

Миллион для гения:

ISBN 978-985-549-678-7

Аннотация

Посвящается гениальному математику Григорию Перельману – человеку, доказавшему теорему Пуанкаре. По неизвестным причинам он отказался от премии Математического института Клэя в один миллион долларов США. Мотивы своего поступка он объяснять не стал.

«Миллион для гения» – книга-эксперимент. По форме это роман в романе. Один безвестный Писатель пишет книгу о великом Математике – Гении, человеке, который не взял свой заслуженный «миллион». Постепенно понимает, что совершенно изменил свою жизнь, но уже не писать не может, и теперь эти двое топчут жизни свои, рождая в безумной фантазии гениальные творения: один – на страницах романа, другой – наяву. Но мир этот сжат со всех сторон привычными оковами и правилами. Мир примитивен, он не желает меняться, подпуская к себе кого-то еще. Эти двое находятся за пределами общепринятых правил и норм (понятий). Поэтому все происходит в каком-то сюрреалистическом изображении и измерении. Только так можно воспринимать его и существовать. Писатель проходит

все ступени: от безвестности и унижений к славе,... но к еще большим унижениям. Так устроена жизнь. Его герой повторяет эти поступки по-своему. А может быть, теперь он сам идет вслед за своим героем?... Все перепуталось, все трансформировалось. Люди превращаются в символы, события – в мистический роман. Уже теряется грань между реальным и вымышленным, и только одно остается неизменным – основное условие этой жизни, которое носит название жанра «Экшен»...

Содержание

Часть 1

6

Конец ознакомительного фрагмента.

99

Олег Ёлшин

Миллион для гения

Посвящается гениальному математику Григорию Перельману – человеку, доказавшему теорему Пуанкаре. По неизвестным причинам он отказался от премии Математического института Клэя в один миллион долларов США. Мотивы своего поступка он объяснять не стал.

*Я посадил к себе на колени уродство и почти сразу же почувствовал невероятную усталость.
(Сальвадор Дали)*

*Если начнешь играть в гения, то непременно им станешь.
(Сальвадор Дали)*

Часть 1

1

Электронные письма летели одно за другим. Они врывались без разрешения, появлялись в уголке экрана и просили, нет, даже требовали и настаивали на том, чтобы их прочитали. Хотя бы открыли и обратили на них свое благосклонное внимание. Высокий человек в домашнем костюме сидел перед компьютером и изумленно за этим наблюдал. Его словно пробудили от долгой спячки, на него сыпался град величинной с битый ржавый кирпич, и он не знал, как от него увернуться. Постепенно изумление сменялось раздражением. Он почесал бороду, взъерошил жесткую шевелюру и подумал:

– Может быть, все это выбросить и удалить не читая?

И от такой мысли ему на мгновение стало хорошо и спокойно.

– Все ли? – снова подумал он.

Пять лет им никто не интересовался, все это время он был предоставлен самому себе и вдруг о нем вспомнили. Он уже не надеялся и думать забыл об этом, но ОНИ вспомнили и теперь вторгались в его жизненное пространство. Он даже догадывался, кто эти – ОНИ. Но сейчас очень хотелось не

видеть этих настойчивых писем и не замечать ничего...

За распахнутым окном светило солнце. Шум редких машин, проезжавших трамваев, щебетание птиц напоминало о жарком летнем дне. Какая-то канарейка уселась прямо на подоконнике, нагло уставилась на него и улетать, по-видимому, не собиралась.

– Что? – спросил он.

Птица молчала, продолжая на него смотреть.

– Чего ты от меня хочешь?

Она сидела, с любопытством наблюдая за ним, а он за ней. Еще одно письмо и еще, уже десятки без спросу появились на экране компьютера, нахально занимая места (как в первых рядах партера, клали ноги на спинки передних сидений), устраивались в папке, где их пока никто не читал, и чувствовали там себя неудобно. Они не привыкли к такому обращению, а этот болван даже не представляет, какую новость ему принесли!

– Ну, открой же нас, проведи упрямой рукой, нажми на клавишу, и мир для тебя станет другим! Мир перевернется! Какой болван! Настырный болван! И канарейка на подоконнике словно вторила этим упрекам. Еще минута спокойствия, еще мгновение такой привычной и продуманной жизни, и все изменится. «Болван» чувствовал, ощущал это каждой клеткой, каждой извилиной напряженного мозга. А как хотелось просто уйти в свой привычный мир, спрятаться там, где никто не потревожит, где ты один... и кое-что

еще. Но канарейка, не отрываясь, смотрела на него, а письма все летели и летели. Он с сожалением огляделся, словно ища защиты там, где пока не было никого, — только рабочий стол и диван в его маленьком кабинете, в котором он спал, и работал, и жил. Жил до сих пор так спокойно, что весь мир помещался на этих крошечных квадратных метрах. Пространство, которое он по мановению своей прихоти или по воле мысли неукротимой, по какому-то чудесному прозрению или случаю мог превратить в целый океан или планету, галактику, где никто его не тронет. А тут эта птица на подоконнике и огромная стая писем...

Он провел мышкой, щелкнув клавишей. И тут началось!

— Мистер Клейзмер, ученое сообщество поздравляет вас с величайшим открытием...

— Ученые Америки готовы признать ваше доказательство...

— Весь мир, столетие ожидавший решения этой сложной задачи, склоняется перед вашим гением...

— Математики Британии и Франции торопятся пригласить вас...

Еще десятки писем, обрадованные такому вниманию, следовали одно за другим. Он пролистывал их и, не читая, смахивал с экрана в электронную корзину. Наконец казенный язык одного из них приковал его внимание, заставив дочитать до конца:

«На совете директоров Математического института..., ку-

да входят ведущие математики мира, было принято решение: Господину Георгию Клейзмеру за доказательство теоремы... присудить премию в один миллион долларов. Вам, господин Клейзмер, необходимо опубликовать свое доказательство в одном из нижеперечисленных журналов и прибыть по адресу...»

Далее шли координаты, список научных журналов и сухие поздравления. Сухие, потому что эти господа считали, что миллиона вполне достаточно и добавлять к нему больше ничего не нужно. Скорее всего, они были правы.

От слова «прибыть» ему стало не по себе. Прибывают в места поневоле. В места, откуда можно не вернуться.

Миллион долларов... Не вернуться...

Телефон неожиданно зазвонил. Он замер, удивленно уставившись на него, дверной звонок тоже начал издавать нежданные трели, а на экране монитора снова письма и письма:

- Мы просим приехать Вас на пресс-конференцию...
- ...дать интервью...
- ...выступить на нашем канале...

Он включил телевизор. С экрана на него смотрела всем знакомая диктор, а за ней виден был его портрет и поздравления, поздравления, поздравления... Вереница сообщений, нескончаемые стаи писем, громкие настойчивые звонки в дверь и из динамика телефона. Все завертелось перед глазами, в потревоженном сознании, закружилось в веселом хо-

роводе, затягивая куда-то в высоту. Теперь было непонятно, что это – путь на Олимп, куда поднимут на крыльях сияющей славы или торнадо, которое черным вихрем увлечет ввысь, а потом швырнет в зияющую бездну – пустоту. Сознание плавило, стены росли, увеличиваясь в размерах, потолок поднимался на немыслимую высоту. Диван висел огромным зеленым облаком, а стол с компьютером превратился в маленькую точку, откуда как назойливые осы, вылетали все новые и новые письма. А огромный экран телевизора на недостижимом отдалении огромными губами диктора новостей повторял одни и те же слова – миллион долларов... теорема... долларов... миллион... миллион...

Клейзмер вскочил и бросился к окну. Канарейка, убедившись в том, что он прочитал все новости и теперь в курсе последних событий, вспорхнула и улетела. А он еще долго под аккомпанемент звонков стоял, опираясь на подоконник, глядя в окно, где трамваи, издавая металлический звон, скользили по рельсам, ехали машины, шли редкие прохожие, а наверху спокойно и привычно сияло солнце.

2

– Леонидов, тебе письмо!

Голос ее сотрясал воздух во всей квартире, и поневоле захотелось зажать уши.

– Какого черта ты не проверяешь почту? Ты слышишь ме-

ня?

Она ворвалась как всегда не вовремя, и он, с сожалением отрываясь от компьютера, успел прочитать последние слова, которые еще не просохли и светились на экране электронными чернилами – «миллион долларов... теорема... долларов... миллион... миллион...»

– Хорошо, что успел дописать главу, – подумал он.

– Письмо, я тебе говорю! – повторила она.

– Слышу, Галя! Слышу! Я не глухой!

Он зашел в электронный бокс и прочитал...

– Ничего себе! – воскликнула она, заглядывая через его плечо.

– Леонидов, да они же хотят купить твой сценарий! Ну, ты даешь,... ну, Леонидов!

Он в оцепенении смотрел на экран:

«Кинокомпания НИК-Пикчерс готова рассмотреть ваши условия о покупке киносценария для создания художественного фильма. Вам надлежит позвонить по телефону... и обговорить все детали, а также прибыть по адресу... для получения гонорара...

Кинокомпания НИК-Пикчерс».

«Надлежит прибыть», – неприятно резануло глаз, и он с удивлением уставился на экран, где совсем недавно писал эти слова, а теперь они по какому-то странному совпадению

перепрыгнули со страницы книги на страницу письма.

– Прибыть, – неожиданно произнес он.

– Что ты бормочешь? – спросила она.

– Ничего, это я так, о своем...

– Ничего? Давай, звони! – и кинулась за телефонной трубкой.

– Так, спокойно, – продолжала она, набирая номер. – Соberись с мыслями, думай, что будешь говорить.

Потом с сомнением на него посмотрела.

– Хочешь, я сама позвоню... Ну, как твой литературный агент. Так сказать, импресарио...

– А «импресарио» читала мой сценарий? – спросил он с вежливой улыбкой.

– Нет, – потом добавила, – ну, ... пока нет... Ты же знаешь, Леонидов, у меня куча дел, ... я не успела, ... я обязательно прочитаю, – и обняла его сзади за плечи...

– К тому же, импресарио бывают у музыкантов...

– Не отвлекайся, это сейчас не важно, – сказала Галя.

Длинные гудки перебили ее тираду, и он взял трубку из ее рук. Галя включила громкую связь.

– Кинокомпания НИК-Пикчерс, – металлическим женским голосом представился телефон. – Я слушаю вас!

– Будьте добры господина Силаева, – попросил он.

– Кто его спрашивает? – уже громче произнес женский голос, и ноток металла прибавилось.

– Леонидов, – сказал Леонидов.

– И все? – удивился голос.

– Пока да, – почему-то ответил он – разговор начинал забавлять. Он чуть не засмеялся, едва сдерживая себя, но жена сурово погрозила кулачком.

– Так, ... давайте еще раз, – сказала металлическая девушка. – Кто вы и как вас представить?

– Просто, Леонидов, – сказал он.

– Просто? Вы думаете, этого достаточно?

– Думаю, да.

– Вы уверены? – металлу в голосе поубавилось, осталось лишь удивление.

– Конечно.

– Он знает вас, он ждет вашего звонка?

– Безусловно, – уверенно ответил Леонидов, и девушка сдалась. Теперь на всю комнату звучала громкая мелодия, пока на другом конце провода его переключали в святая-святых. «Импресарио» замерла, подняв большой палец в сжатом кулаке. Весь этот короткий разговор она нервно ходила, тыча рукой в воздух, словно приколачивала его ответы, придавая им больше убедительности, и сейчас была очень довольна.

– Слушаю вас, – услышал он сухой голос.

– Господин Силаев? – спросил он.

– Слушаю, слушаю вас.

– Здравствуйте. Вы написали мне письмо, ... насчет моего сценария, ... меня зовут Леонидов.

– Ах, Леонидов! Здравствуйте. Слушаю вас, – уже теплее произнес тот.

– Я бы хотел подробнее поговорить о вашем фильме, – сказал он.

– Подробнее... Ну, конечно, подробнее. Во всем нужна конкретика... Сколько? – неожиданно спросил голос из телефона.

– Не понял?... В каком смысле?... Алло. Вы слышите меня?

– Да-да, – спокойно ответил голос, – хорошо слышу, только не слышу ответ на мой вопрос – сколько?

Долгая пауза повисла в комнате, и только ровное уверенное дыхание телефонного аппарата. До этого его жена продолжала дирижировать, мелькая перед ним, но теперь и она замерла, как вкопанная. Леонидов тоже молчал. Первой опомнилась Галя:

– Миллион!

– Что миллион? – не понял он, зачем-то зажав трубку телефона, хотя тот своими микрофонами слышал все, развесив электронные уши. Галя замахала руками и повторила:

– Миллион!

Леонидов почему-то вслух повторил это слово.

– Миллион? – переспросил спокойный голос из телефона, – миллион рублей, конечно же? – уточнил тот.

– Конечно! – моментально ответил он, сам не веря такому.

Галя застыла с открытым ртом. Поправлять его было

поздно, но все равно была ошарашена.

– Хорошо, – спокойно ответил его собеседник. Снова возникла небольшая пауза.

– Что я должен сделать? Нам нужно встретиться, обсудить сценарий? Когда мы сможем поговорить? – с нетерпением воскликнул Леонидов.

– Завтра... в 14.00, если вам удобно, вы можете приехать, подписать договор и забрать деньги.

– И все?

– А что еще?

– Нет, нет, ничего, – задумчиво произнес он.

– Тогда до свидания, господин Леонидов, до завтра, – сказал Силаев.

– До завтра, – неуверенно попрощался Леонидов, желая что-то добавить, но не нашелся, а телефон уже издавал короткие гудки...

Она закричала так, что слышно ее было на первом этаже. И на последнем этаже, и на всех остальных уже знали, что ее муж только что заработал миллион!

– Миллион!.. Ну, что ты не радуешься? Леонидов, что с тобой?... Это шок, это пройдет, на выпей.

Она суетливо достала из бара бутылку виски, налив ему и себе. Он сидел, придавленный – какое-то чувство недосказанности осталось после разговора, поэтому молчал, пережевывая каждое слово.

– Миллион! – продолжала она, – а может, нужно было

сказать... два?... Или три!?... Нет, миллион тоже хорошо! Для начала совсем неплохо. Да? Леонидов? Ну, что ты молчишь?... Хочешь, я поеду с тобой? – внезапно спросила она. – Надену лучшее платье, которое ты мне подарил... сто лет назад, и поеду. Уже не думала, что оно когда-нибудь пригодится. Я буду твоей Лаурой,... как у Дали,... помнишь?

– Лаура была у Петрарки, а у Дали – Гала, – очнулся он, поперхнувшись виски.

– Ну, Гала. Не важно, пусть будет Гала.

– Нет, Галя, пожалуй, я поеду один, – но, спохватившись, добавил: – А тебя я возьму на премьеру – идет?

– Идет! Идет, мой Леонидов. Идет!.. Миллион... На премьеру...

Наконец она, пританцовывая, удалилась, а он все сидел, сжимая в руке бокал, медленно вслух бормоча: – Миллион... миллион... сценарий... миллион рублей... миллион...

Вдруг взгляд его упал на большое окно. Оно было открыто, а на подоконнике сидела птица. Присмотрелся.

– Канарейка! – опешил он. – Откуда? Ты что тут делаешь? Потрясающе!

Птица какое-то время еще сидела и смотрела на него.

– Канарейка... миллион...

Посидела так, повертела хвостом и, поняв, что все самое интересное позади, улетела.

Пожалуй, случилось самое знаменательное событие в его жизни. До этого было все как у всех. Детство, юность. Потом с большим восторгом поступление в театральный институт, куда могли пройти по конкурсу лишь дети «заслуженных» и «народных», где уже между собой выстраивали конкурс «народности» своих родителей. Но, повезло. Дальше бессмысленная учеба в институте, который теперь находился в новой стране, с новыми законами и правилами, где никакие «народные» уже были не нужны – наступало начало девяностых. Потом семья, ребенок и годы-годы бизнеса: торговли, контрактов и переговоров, поездок и отгрузок, приемок и сдач. Так пятнадцать лет! И, наконец, все остановилось в его жизни, все замерло.

Однажды, сидя в офисе у компьютера, заполняя бессмысленное время и пустоту экрана, он написал несколько строк, потом страниц, глав. И все завертелось, закружилось в жизни, изменилось и попросило чего-то еще, непознанного, неизвестного ранее, но столь желанного. Книга, вторая и третья, конечно же, никому не нужные и невостребованные издательствами. Но, не тут-то было... Видимо, годы бесполезного сидения в театральном институте не давали покоя, прося о чем-то еще:

– Ты получил уникальную профессию, ты все помнишь,

так почему протираешь штаны в этом офисе, выносишь отсюда деньги, бросаешь их на ветер снова и снова? Ты способен на большее! У тебя все впереди, а ты еще даже не начал!

И он все бросил. Он не мог не оставить эту бессмыслицу, потому что в сознании горел огонек затаившегося счастья, трепетный огонек, который согревал, а в душе вибрировала незнакомая мелодия или пока лишь ее предчувствие. Но эта музыка уже заполняла всю его жизнь без остатка. И теперь, просыпаясь, он начинал каждый день с удовольствием, боясь что-то упустить, пройти мимо.

– Ты все пишешь?... Ну-ну...

Эта фраза стала единственной, которую изо дня в день он слышал от жены. Оно и понятно. Сын вырос, поступил в институт, а они, такие еще молодые, особенно она, хотели чего-то большего. Но, что это – большее, они не знали. Только надеялись. Но уже делали это в разных комнатах и разных постелях. А постель с облегчением вздохнула – ей надоело таскать на себе этот охладевший груз, балласт, который хотелось сбросить и плыть налегке в одинокую диванную старость. Да и черт с ней, с этой постелью. Ведь не в ней же дело... Книги!

Прошел год, прошел второй.

– Почему ты не напишешь киносценарий? – как-то раз спросил его друг, с которым они вместе учились в институте. Он прочитал его «творения» и теперь давал советы: – Такое

просится на экран!

Друг был режиссером документального кино и скоро... очень скоро должен был снять первый фильм. Скоро – спустя почти двадцать лет после окончания института.

– Что с ним делать дальше? – удивился Леонидов.

– Как что? Отошлешь на киностудии, сейчас их сотни, наверняка кто-нибудь заинтересуется. Это настоящий «Экшен»!

– Что? – переспросил он друга, но тот уточнять не стал.

Сценарий был написан, и теперь этот звонок! Как будто Ангел взял его за руку и теперь уверенно вел по длинному коридору киностудии в «святая-святых»...

Они поздоровались. Напротив сидел здоровенный дядька, который совсем не походил на киношника. Хотя, какими теперь они должны быть, он не знал. Помнил лишь мастеров старого кино, которое смотрел раньше. Но все так изменилось...

– Вот договор, ознакомьтесь и подпишите, – предложил Силаев.

– Да-да, договор..., – он смешался, тупо уставившись на предложенную бумажку. Сколько в своей жизни он прочитал договоров, его уже тошнило от такой формальности. Он не желал тратить время на эту мелочь. И обмануть его было невозможно. Ему заплатят деньги. Огромные деньги! И дело совсем не в них.

– Можно узнать подробнее, какое это будет кино? – спросил он, немного волнуясь. Силаев удивленно на него посмотрел.

– Понимаю, это дело режиссера, но я, как никто другой в материале, и сумел бы помочь...

– Вы не будете читать договор? – перебил его тот.

– Нет,... то есть,... я уже прочитал,... ознакомился...

– Тогда подпишите и дело с концом, – сказал Силаев.

– И все же, я могу услышать некоторые подробности? Какова концепция, замысел?

Силаев выжидающе молчал.

– Ах, договор, – вспомнил Леонидов. Он взял со стола ручку, небрежно подмахнув в нужном месте, отдал продюсеру его экземпляр, свой небрежно сложил и сунул в карман.

– Формальности окончены? – спросил он, – мы можем поговорить по существу?

– Конечно, – спокойно ответил Силаев, – по существу.

И достал из сейфа две пачки новеньких пятидесятирублевых купюр, положив их на столе. – Прошу, ваш гонорар.

Сказав это, замолчал, давая понять, что разговор окончен, с интересом ожидая реакции на две пухлые новенькие пачки. Леонидов оцепенел. Он заворожено смотрел на деньги, наконец, перевел взгляд на Силаева.

– У вас еще какие-то ко мне вопросы? – спросил тот.

– Да, – встрепенулся Леонидов, – конечно! У меня масса вопросов...

– Вы не будете пересчитывать деньги? – удивленно перебил Силаев.

– Я уже пересчитал, – в нетерпении воскликнул Леонидов и замолчал, мучительно соображая. Наконец произнес: – Вы знаете, ... я начну с конца, ... для меня самое главное в форме реализации сюжета – эзотерический финал...

– Какой финал? – нервно переспросил Силаев.

– Эзотерический, ... ну, вы понимаете!

– Да-да, понимаю, отчего же не понять? – пробормотал тот и загрустил.

– Понимаете? Замечательно! От такого финала, пожалуй, зависит все. Вся история сводится именно к такому концу. Не технологии, не деньги или политические акции, не сцены насилия или перевороты – ничто не спасет общество! Переворот в сознании, смещение акцента, переоценка ценностей. Если, наконец, человек сбросит надоевшую обувь, пройдет босиком по мокрой траве, окунет ноги в волнах океана, будет ходить по мокрому песку, смотреть на солнце, просто жить, только тогда эта история оживет и засверкает. Привычные законы или, как теперь говорят, понятия, отойдут в сторону и зритель задумается. А задумается – значит поймет!

Леонидов внезапно остановился, взглянув на Силаева. Тот с удивлением и неподдельным интересом слушал его. Потом медленно произнес:

– Честно говоря, ... я еще не читал ваш сценарий.

– Как? – Леонидов был ошеломлен.

– У меня слишком мало времени, – раздраженно ответил тот. Но, опомнившись, уже мягче добавил: – У нас есть люди, которые делают это лучше меня. Я всего лишь продюсер, – помолчав немного, добавил, – всего лишь хозяин проекта, ... но режиссер мне обязательно подробно доложит обстановку, ... то есть сюжет.

– А я могу поговорить с режиссером? – настаивал Леонидов. – Дело в том, что это мое детище, как вам сказать... мой ребенок, ... и я хочу достойно передать его из рук в руки.

– Я не определился еще с кандидатурой режиссера, – устало ответил Силаев.

Потом он внимательно посмотрел на Леонидова, – да, не волнуйтесь вы так! Во-первых, вы прошли огромный конкурсный отбор – наши люди пересмотрели сотни работ, прежде чем остановиться на вашей! С чем вас и поздравляю! Во-вторых, мы профессионалы, и вы полностью можете довериться нам. Киностудия НИК-Пикчерс – это не детские игры! Господин Леонидов, это будет настоящий блокбастер! – заверил он.

– Блокбастер? – непонимающе переспросил Леонидов.

– Да! Настоящий Экшен!

– А, понятно, – сказал он, услышав знакомое слово, – его друг, кажется, так называл этот новый жанр.

– Экшен! И вы можете не волноваться!.. Так, вы будете пересчитывать деньги?

– Нет, ... нет, ... спасибо... я уже пересчитал.

Он положил две пачки новеньких купюр в сумку и встал.

– Мы обязательно пригласим вас на премьеру, господин Леонидов. Вы нам понадобится на презентациях и пресс-конференциях, о чем указано в договоре, который вы внимательно прочитали, – с улыбкой добавил он.

– А когда будет премьера? – спросил Леонидов.

– По плану – ровно через год! – уверенно произнес Силаев.

– Через год, – прошептал Леонидов.

Тот протянул через стол свою большую лапищу, и они попрощались.

4

Он снова шел по длинному коридору. Ангел, видимо, оставил его по дороге, заскочив в шикарный буфет или заглянув в съемочный павильон. Да, и не нужен был сейчас этот Ангел – свое дело он уже сделал. Леонидов тоже заглянул в какую-то открытую дверь. Там стояли декорации неизвестного фильма. Увидел двухэтажное здание, с крыши которого головой вниз летел человек, и грохот автоматной очереди расстреливал тишину зала. Тот шлепнулся в болото, и брызги воды разлетелись во все стороны. Какая-то женщина, подойдя к двери и грозно на него посмотрев, перед его носом прикрыла ее. Теперь он шел по длинному коридору, ноги вязли в болоте, неизвестно откуда взявшемся на этом

паркетe. Он с трудом их передвигал, вокруг все падали и падали тела, а грохот автоматных очередей слышался со всех сторон. И если бы он упал, наверное, задохнулся бы в этой тине... Какая-то девушка, идя навстречу, мило улыбнулась, и он пришел в себя, нормально добрел до выхода, но все еще казалось, что ноги мокрые, обувь перепачкана, а вода хлюпает и чавкает в туфлях.

Но, выйдя на улицу, стало легко и приятно на душе – в сумке лежал МИЛЛИОН! С удовольствием небрежно махнул рукой, и сразу же два такси наперегонки устремились к нему, почуяв клиента. С радостью постоял в пробках, глядя по сторонам – город радовал шумными улицами и площадями, мигающими светофорами и людьми, снующими в разные стороны. Солнце ему улыбалось, кинотеатры замирали, с уважением глядя вслед. Скоро он снова придет сюда, скоро будет премьера, и толпы людей выстроятся у окошечек касс, а на рекламных щитах будет шагать нарисованный босой человек, и будет мочить ноги в ласковых нарисованных волнах океана.

– Как потратить миллион?

Он бросил перед ней на стол, как в дешевом кинофильме, пачки с деньгами, уселся в кресле, положив ноги на журнальный столик, и закурил сигарету. – Жалко, нет сигары, было бы очень кстати, – подумал он. А жена молчала и серьезно

на них смотрела.

– Как потратить миллион? – наконец повторила она. – Никкак! Нужно делать второй миллион! – и решительно заявила:

– Год! Мы не будем терять целый год! Потом ты промелькнешь в титрах, и о тебе сразу же забудут. А мы за этот год до премьеры раскрутим тебя и сделаем настоящей знаменитостью! Какое издательство откажется теперь от нас?

Он задумался, продолжая курить, потом произнес:

– Ты хочешь превратить мое занятие в коммерческое предприятие?

– Конечно! А как еще? – недоуменно переспросила она.

– То есть, ты хочешь, чтобы я писал и делал на этом деньги?

Длинная пауза повисла в комнате, потом Галя произнесла:

– Ты уже сделал это – они лежат перед тобой на столе.

– Это случайность, но не самоцель! – настаивал он.

– Любую случайность можно превратить в закономерность или ты что-то имеешь против? – говорила она мягко и разумно. Мягко, потому что знала его характер, и не хотела обострять разговор. И все-таки он не выдержал:

– Нет, милая, нет! Этого не будет! Или я пишу и серьезно делаю это или занимаюсь «остальным». Есть вещи несовместимые! Так, как хочешь ты, не получится!

– Почему? – спокойно спросила она.

– Если ты делаешь это ради денег, ничего существенного не напишешь!

– А как же Бальзак или твой любимый Дали? Они стремились заработать как можно больше. Я недавно смотрела передачу. Дали даже называли мистер Доллар. Но он гений! Или ты изменил свое мнение о нем? – разумно продолжала она.

– Я не помню, чтобы Бальзак заработал сумасшедшие деньги, скорее наоборот, всю жизнь считал долги... Дали? Да, он стал очень богат, но, скорее всего, это заслуга Галы. Пойми, имея такой стимул, никогда не сделаешь ничего достойного, – это закон! Такой стимул по своей сути порочен. Посмотри, что сегодня творят «мастера» на экранах и в литературе, в театрах, в кино. Можно сойти с ума! Суррогат, дешевый заменитель, хот-дог! Я не хочу этого, мне это не интересно.

После этой тирады замолчал, уставившись в окно. Долгая пауза зависла в комнате.

– Ты говоришь, Гала? – твердо сказала Галя, спустя какое-то время. – Значит, я и буду твоей Галой, а ты сиди и твори... писатель. Остальное – не твоя забота, – и добавила: – Разделим обязанности, устраивает?

– Если тебе это интересно, ... – задумался он, – конечно, ... почему бы и нет.

– На том и порешили, – примирительно произнесла она, подведя черту, а глаза ее загорелись незнакомым огнем. Потом спросила:

– А чего, собственно, хочешь ты? Написать и положить в

стол?

– Нет, Галя, конечно же, нет... Хочу, чтобы меня читали...

– Но тебя не будут читать, пока ты не станешь известным писателем. Это и есть закон! Ты сам это понимаешь?

Она была убедительна, и он не нашел, что возразить:

– Да, наверное,... пожалуй, ты права..., это замкнутый круг... Что мы сделаем с деньгами? – уже спокойнее спросил он.

– Вложим в тебя, то есть, в новый бренд под названием Леонидов! Кстати, ты не хочешь взять псевдоним, а то как-то?...

– Нет, пока останусь Леонидовым, – возразил он, – меня не стесняет моя фамилия...

– Как знаешь, – согласилась она, а он, задумавшись, добавил: – Послушай пару минут, хочу тебе кое-что прочитать.

– Конечно, послушаю, Леонидов, еще как послушаю, теперь я слушаю только тебя, – серьезно ответила она.

Он внимательно на нее посмотрел и начал читать:

«Клейзмер снова посмотрел в окно. Канарейки не было. Взглянул на экран компьютера. Там письма, как маленькие муравьи, двигались по плоской поверхности. Но самое ужасное, они уже спрыгивали и начинали расползаться по комнате. По его комнате! Они были крохотные и безобидные, но их было очень много, и все вместе они напоминали огромный

рыжий ковер, который шевелился, потревоженный звонками в дверь и телефона. Дверь начинала деформироваться. Она прочно висела на старых, ржавых, добротных петлях, но теперь изгибалась, шевелясь лохмотьями металла и дерева после каждого звонка, изворачивалась, словно ее щекотали или кусали эти муравьи. Но рук она не имела, и нестерпимый зуд заставлял делать немыслимые движения. Это был мягкий сосуд, наполненный жидкостью, который колыбался в воздухе, меняя цвет и размер, но пока еще прикрывал надувшимся телом дверной проем. Телефон был похож на маленькую разъяренную крысу. Она сотрясала черным носом, на котором держалась трубка, пытаясь сбросить ее. Сбросить и заставить замолчать. Но тогда был риск, что из трубки тоже поползут муравьи или вырвется рой диких ос, от которых уже не избавишься. Клейзмер почувствовал, что его гонят из собственной жизни. И во всем этом хаосе оставалось незыблемым только одно письмо – то самое, которое он дочитал до конца. Оно горделиво, по-хозяйски, заполняло весь экран:

– Вам присуждается премия за доказательство теоремы... миллион... миллион долларов... миллион... миллион...

Окно было раскрыто. Как захотелось шагнуть в него, сделать шаг, потом еще и еще, идти так по спокойной гладкой поверхности, оставляя под собой тротуары и дороги, мигающие светофоры и дома.... его дом... А над головой солнце. А дальше можно свернуть куда угодно, куда захочешь! И он знал эту дорогу! Он вычислил ее! А теорема? Просто она по-

палась ему на пути, и он легко, мимоходом, пнул ее, как мячик, случайно оказавшийся под ногами, и доказал, как само собой разумеющееся. За что ему дают этот миллион? Нужен ли он ему, и что он будет с ним делать? Интересно – много ли это? Он мысленно прочертил дорожку от экрана компьютера в сторону окна. Потом еще и еще. И теперь зеленые маленькие купюры стелились перед глазами. Они чертили в воздухе крохотную зеленую тропинку, которая стелилась над городом по прямой, предлагая по ней пойти. Шаг и еще, сотня другая. Там внизу улицы и площади, люди, ничего не видящие, собаки, в испуге задирающие морды. А над головой бесконечное небо и солнце, а ты по узкой тропинке идешь по прямой. Как просто и скучно, как хочется сделать шаг в сторону и раствориться в этом удивительном пространстве, перешагнуть его, изогнуться, ступить куда-то еще. Но твоя тропинка крохотная и зеленая, ты выбрал ее, значит, должен идти, не оглядываясь. Забыть обо всем доказанном, еще непознанном, и только шагать.

Вдруг посмотрел вдаль. Тропинка обрывалась. Эта прямая лента зеленого цвета заканчивалась, а за ней пропасть, и ты уже легко соскакиваешь с крохотной зеленой линии, падая вниз. И головой, и носом, и телом трехмерным прилипаешь к дороге, превращаясь в кровавую кляксу, в собственную тень, в след. А на краю зеленой тропинки сидит та самая канарейка, которая звала за собой. Но она вспорхнет и улетит, а ты грохнешься носом вниз.

Не интересно! – вздрогнул он. – Скучно! Глупо! Стоило ли того?

Клейзмер подошел к компьютеру, стер письмо, остальные тоже, поднял и сразу же повесил трубку телефона, дверной звонок сам понял все и замолчал, а диктор с экрана огромными губами теперь рассказывала совсем другие новости. В окно светило солнце, в комнате стало просторно, уютно и хорошо. Снова появился объем, тени и следы исчезли, муравьи и осы, сидящие в черном телефоне, тоже, тропинка провалилась, пролилась зеленым дождем. А заботливый ветер подхватил ее и унес, схоронив подальше отсюда в зеленом могильнике, чтобы не пачкала все вокруг, не сорила, не гадила своими зелеными купюрами. Он успокоился, с удовольствием подошел к окну, где солнце беззаботно светило, улыбаясь ему, а мир стал великим, многомерным и полным жизни. И мир этот снова принадлежал ему».

– Он сумасшедший? – произнесла Галя.

Леонидов немного помолчал, подбирая нужные слова.

– Я хотел, чтобы ты кое-что поняла. Если мы что-нибудь теперь делаем вместе, ты должна быть на моей стороне, а тропинка эта не должна быть тупиковой.... Ты должна быть со мной! Договорились?

– Договорились. Да, Леонидов, конечно, я буду с тобой. Я постараюсь понять тебя. Только...

– Что?

– Ничего. Ты тоже будь со мной, тогда все получится. Хорошо?

– Только не буду тенью или следом, ладно?

– Да... Да... Конечно... Хорошо...

– Ну, что, – уже весело спросил он. – Начнем наш год?

– Начнем, – воскликнула она, с удовольствием на него посмотрев.

– И, вообще, Леонидов.... возвращайся...

Она странно на него взглянула, и он даже смутился.

– Я никуда не уходил, – возразил он, – я рядом.

– Да, рядом. Но очень далеко... В соседней комнате. Такое расстояние иногда бывает бесконечным, непреодолимым. Впрочем, мы вместе куда-то уходили...

– Да, бесконечным, пожалуй, ты права, – и тоже с удовольствием на нее посмотрел...

5

Три недели он мог спокойно работать... Или не работать вовсе. Не важно – бывало всякое. Они снова оказались в одной комнате, и теперь даже старенькая кровать не возражала, почувствовав себя молодой. Галя теперь начинала трудовой день с нескончаемых переговоров и поисков в Интернете. Она неистово искала «правильное» издательство, забросив все дела. Целую кучу своих дел. Леонидов бесконечно ее уважал, хотел помочь, но не мог, потому что мог только

ко писать или не писать вовсе. Но уже какие-то смутные радостные предчувствия одолевали его. Галя напоминала фонтан, который источал мощные струи и потоки несокрушимой энергии. А где-то уже сидели люди, ждали ее звонка и согласия на встречу с новым, никому неизвестным писателем, по роману которого снимали «блокбастер»... «экшен». Наконец, в один из таких дней она потащила его в магазин.

— Почему в магазин? — вяло, но с интересом сопротивлялся он. Начиналась новая интересная игра, в которую они ввязались и теперь делали это вместе и с удовольствием.

— И снова появятся деньги, — говорила она.

— Наконец меня будут читать, — думал он.

— Но прежде всего — смена имиджа! — возвестила она.

Магазины один за другим открывали свои двери, приглашая, предлагая, настаивая. Это были особенные магазины, здесь почти никого не было, только длинные ряды костюмов, нарядов и аксессуаров.

— Я в джинсах и футболках пятнадцать лет занимался бизнесом. Зачем все так сложно и дорого? — смеялся он.

— Прошла твоя джинсовая жизнь, — смеялась она в ответ, — ты поступаешь в новый клуб, и одежда должна быть соответствующая.

— И откуда ты все знаешь? — удивлялся он. А ей все не нравилось.

— Это не то! И это! Все не то!.. Я знаю, куда нужно идти!

Медильяне!

Наконец, открыв последнюю на сегодня дверь и решив, что пора заканчивать, он снова увидел стеллажи и скучные длинные ряды с вешалками и одеждой!

– Тряпки! – ворчал он, – обыкновенные тряпки.

– Тебе нужен костюм, – сказала она, и глаза ее загорелись при виде изысканных нарядов. – Пойду в женский отдел, а ты пока выбирай – потом покажешь!

Она ушла, а он остался один. Медленно прошелся по ряду, по другому. Эти костюмы висели, как скучные живые отрепья. Они готовились вцепиться и поставить свой штамп, клеймо на человеке, который предпочитал свободный стиль и свободный образ жизни. А эти сейчас превратят его в чемодан. Человек-чемодан, застегнутый наглухо на все пуговицы, а в шею непременно вопьется дурацкий галстук и будет мешать ему жить, дышать и даже думать. Зачем людям нужна форма? Почему они должны быть одинаковыми? Клуб, – вспомнил он. – Стадо! Обыкновенное стадо, где люди ходят в одних и тех же вещах-костюмах, думают одинаково, живут одинаково, только по-разному умирают, но и тогда облачаются в костюм, даже «туда» отправляясь в нем. А еще в белых тапочках. Какой абсурд!

Посмотрев на ценник одного костюма, присвистнул.

– Пять тысяч долларов! Ничего себе!

– Дорого? – спросил его какой-то старичок немыслимым образом одетый. Он был словно с другой планеты или с кар-

тинки дорогого журнала. На нем был то ли костюм, то ли накидка. Было непонятно что это. Брюки или джинсы... Нет, не джинсы... И не брюки... И не костюм вовсе... Какая-то невероятная одежда и в неё облаченный невероятный старичок.

– Дорого? Конечно, дорого! – ответил он. – На эти деньги можно слетать в Италию, купить такой же костюм, отдохнуть всей семьей и вернуться назад. Или зайти в соседний магазин и купить там десяток таких костюмов.

– Таких нет, – улыбнулся старичок, – таких вы не купите нигде. Это Медильяне. Великий Медильяне! А, значит, не важно, сколько они стоят.

Старичок не был похож на продавца, и было непонятно чего он хотел и откуда взялся. А тот продолжал:

– Стоит однажды купить хотя бы одну вещьцу этого Кутюрье, вы попадаете в особый мир и становитесь другим человеком. Потом приходите сюда снова и снова. А продавцы пользуются этим, и уже все равно, сколько они допишут нулей к цене, которую определил Медильяне. Это совсем другие ощущения. Попробуйте!

– Хотите сказать, что на вас так действует обыкновенная одежда? – спросил он.

– Необыкновенная одежда! Дьявольски необыкновенная одежда! Я тоже так думал раньше. Меняется психология, походка, мысли, образ жизни. Я часто сюда прихожу и покупаю какую-нибудь мелочь. Иногда в это место приводят татуиро-

ванное распальцованное быдло, а выходит он отсюда настоящим денди. Стоит потом у кассы, и ты думаешь, что этот человек получил образование в Оксфорде, а не на зоне. Вот так!

– Вы преувеличиваете! – засмеялся Леонидов.

– Нисколько! Попробуйте! Появятся другие ощущения. Это как сменить не одежду, а кожу, изменить свою жизнь!..

– Но на ней даже нет лейбла, кажется, так это называется, – сказал с сомнением он.

– Ни то что, лейбла, как вы изволили выразиться, даже пакет, в который положат покупку, будет черного цвета. Абсолютно черного и без единой надписи. Этот бренд не нуждается в рекламе. Но, заведя вас на улице с таким пакетом, все будут оборачиваться, зная, что вы идете от Медильяне.

Он внезапно умолк и уставился куда-то вдаль. Леонидов тоже посмотрел туда.

Он подумал, что сошел с ума. Голова закружилась, а глаза неотрывно следили за незнакомой женщиной. Удивительной, неземной красоты женщиной. На ней было надето сказочное платье черного цвета, глаза ее блестели... Нет, светились таинственным блеском в сумеречной темноте зала. Но что-то знакомое было в этом взгляде и походке. Нет, совсем незнакомое... Она подошла, что-то говорила, спрашивала, а он, затаив дыхание, смотрел на нее, открыв рот, не в силах вымолвить ни слова. Так продолжалось минуту, и другую... Это была мечта! Сказка наяву! Дьявольское наважде-

ние! Если сейчас она повернется и уйдет, он будет плестись и преследовать ее бесконечно долго, всю оставшуюся жизнь, и жизнь эта превратится в кошмарную, щемящую, восхитительную сказку. Женщина будет переходить из комнаты в комнату, ускользать по незнакомым улочкам и переулкам. Незнакомые города и страны будут мелькать мимо них. Какие-то другие миры. И везде только этот сумрак, черным блеском манящее платье, скрывающее гибкую фигуру, дивную осанку, душу в божественном теле и зовущий волшебный, порочный и одновременно девственно-невинный блеск ее глаз... Это была Галя. Его Галя! Нет, не его!

– Ты очень многословен, мой писатель, значит, тебе понравилось, – наконец, услышал он. – Так на меня ты не смотрел, наверное, лет семнадцать, сколько мы с тобой знакомы. Или вообще никогда так не смотрел.

– Да, пожалуй, вы правы, – очнулся Леонидов, обернувшись к старичку...

– С кем ты разговариваешь? – спросила она, – здесь никого нет.

– Нет? – удивился он.

– Нет, – улыбнулась она, – только ты и я.

Он протянул руки и взял ее за талию. Она не возражала, окинув его удивленным взглядом. Его словно ударило током. Это была его Галя, но... это была не она. Теперь нельзя было так просто к ней прикасаться! А глаза ее говорили о том же:

– Нельзя. Я другая. Нельзя. Выбрось свои джинсы, наде-

вай один из этих костюмов, и ты станешь одним из нас. Ты будешь достоин!

– Добро пожаловать в наш Клуб, – эхом вторил голос старичка, который куда-то исчез, да и был ли он, вообще, старичок этот?

Костюм не давил, не стеснял движений, был невесомым. И Леонидов вдруг почувствовал, как меняется осанка, меняются мысли, желания. Не может какая-то одежда, тряпка, так подействовать на него! Может! Он видел другое выражение своего лица в огромном зеркале. У него была другая судьба, другая жизнь.

– Экшен! – вспомнил он.

– Это вам не детские игры!

– Добро пожаловать Клуб!

– Да, не детские, – подумал он и, теперь, не отрываясь, смотрел на нее, на свою Галю. Нет, не на Галю, на женщину, которую он никогда не знал. И вдруг невероятное желание охватило его – снять с нее... Нет, сорвать это черное платье. Разорвать его на куски, на длинные лоскуты и наброситься со звериной яростью на то, что оно скрывало, что было столько лет ему знакомо, но чего он, оказывается, никогда не знал. Просто смотрел другими глазами... Неужели нужно надеть какую-то тряпку (волшебную тряпку, – шептал голос старичка рядом), чтобы потом возникло такое варварское чувство? Она тоже неистово глядела большими горящими глазами, чувствуя и понимая его. Невозможно так

желать женщину, которую знаешь уже целую жизнь! Такого не бывает!

– Добро пожаловать в Клуб, – шуршал где-то рядом старичок.

– В дьявольский Клуб! – очнулся он, приходя в себя.

– Дьявольский фантик! Фантастическая обертка!

6

А сейчас они заходили в просторный офис, который находился в огромном здании в самом центре города и даже в самом центре страны. Галя, наконец, определилась с издательством и после коротких телефонных переговоров привела его сюда. Это было одно из самых крупных издательств, которое «держало» большую половину книжного рынка. В душе пело, в душе ликовало неистребимое желание быть напечатанным и, наконец, лежать во всех книжных магазинах, в переплете, в словах и мыслях, помещавшихся в его книгах. Он смотрел по сторонам: кабинеты, коридоры, стеллажи. Книги... книги... запах книг... Волшебный аромат... Обложки, иллюстрации... Это же настоящее издательство, это Храм книг! Здесь их придумывают, печатают, издают. Потом они широкими реками растекаются по магазинам, попадая в руки людей, где бы те ни находились: в квартиры и офисы, в метро и на скамейки в парках, в школы, самолеты и поезда. Они разлетаются, неся в себе мысли и сокровенные

фантазии, образы и мечты, не сбывшиеся в жизни, но написанные так ярко, что кажется, они уже твои. И жизнь твоя не придумана, а как в сказке, как на страницах романов. И все это рождалось здесь – в настоящем Храме книг...

– Пришли, – сказала она, уверенно пнув ногой какую-то дверь.

Человек, сидевший перед ними, оказался достаточно молод и лыс, энергичен и приветлив. Его спортивную фигуру непринотливо облачал пиджачок... пиджак... тот самый... оттуда! И они, эти два человека в пиджаках, встретились как хорошие друзья. Еще не успели познакомиться их хозяева, не успели поговорить, но клубные пиджаки уже приветствовали друг друга, словно приглашая этих двоих... троих не тратить время на пустяки, и просто пожать друг другу руки.

Наконец, он очнулся от этих мыслей, а Галя уже какое-то время обсуждала договор:

– Я хочу, чтобы не возникло в дальнейшем никаких разночтений, – говорил лысый издатель. – Давайте сразу порешаем все вопросы и начнем работать.

– Почему вы не платите автору аванс, а предлагаете деньги лишь с продажи тиража? – возмущалась Галя, листая договор.

– Нормальная практика, – весело сопротивлялся издатель. – Мы еще ничего не заработали, чем же нам платить? Тираж продается, и только после последнего ушедшего эк-

земпляра я выплачиваю всю сумму гонорара.

– Но последний экземпляр может быть и не продан, – продолжала она. – Его вообще могут не продавать или делать это годами, и тогда автор не получает ничего?

– Вы хорошо подготовились к встрече, – засмеялся издатель, – вы правы, некоторые издательства имеют такую практику. Но это обыкновенное мошенничество, мы так не работаем. Мне интересно допечатывать, увеличивать тиражи, выжимая из них максимальную отдачу.

Услышав это, Леонидов посмотрел на Галю, ему стало неудобно за нее. Зачем она начинает разговор с подозрений, когда эти люди печатают книги... Книги! Не колбасу, не кирпичи! Неужели она не понимает, что они не способны на такие поступки? Здесь такое невозможно! Здесь это неуместно!

– Хорошо, я готов выплачивать процент от продаж частями и ежемесячно, – согласился издатель.

Галя победно на него посмотрела.

– Но, вы должны четко соблюдать эксклюзив, – продолжил он.

– Что это значит? – спросила она.

– Там написано. Договор заключается на пять лет, и в течение этого времени вы имеете право печататься только в моем издательстве. А книги, которые мы берем в работу, поступают в нашу собственность навсегда, и вы теряете на них права.

– То есть? – спросила она. – Вы поставите на них имя другого автора?

– Нет, – засмеялся он, – только ваше и ничье другое, – но, я буду определять политику продаж, тиражей и распространения. Другими словами, вы можете распрощаться с вашими книгами, но получать свой процент.

– Навсегда?

– Конечно!

– А если вы закроетесь, обанкротитесь? Если мы захотим изменить условия?

– С момента подписания договора я начинаю вкладывать в автора и его раскрутку огромные деньги, неизвестно, окупятся они или нет, а вы уже хотите пересмотреть условия. Или я должен миллионы тратить на пиар-компанию неизвестного автора впустую?

– Но, по одному из романов скоро выйдет фильм, и часть вашей работы, если не всю, мы уже сделали, – сказала она.

– Но вы хотите все прямо сейчас, а фильм выходит только через год – будем ждать?

– Нет! – в ужасе воскликнула она.

– Правильно. Нет! Тогда я просто выкупаю ваши права на книги и выплачиваю процент. Как картины. Если вы художник и продали свою картину, теряете ее навсегда. Вы меня понимаете?...

– Да! Да! Конечно! – подключился Леонидов к разговору, который уже начинал его раздражать. Его будут печатать,

продавать, в конце концов, платить деньги – чего же еще? Зачем ей эти детали? Сколько можно говорить о деньгах?

– И издаваться вы будете только у меня на моих условиях.

– Пять лет? – переспросила она.

– Пять лет, – подтвердил издатель.

– А если что-то пойдет не так и нас это не устроит? – снова спросила она.

– Через пять лет вы продолжите писать ваши шедевры и отнесете их в другие издательства, а эти оставите мне навсегда.

– То есть пять лет мы работаем на вас? – переспросила она.

– А я на вас – устраивает? – улыбнулся издатель.

Леонидов подумал, что через пять лет ему будет 46 лет. Сколько он успеет за это время написать? Как Гварнери, делал скрипки и отдавал их покупателю-хозяину долгие-долгие годы...

– А если вы не сможете ничего продать или не захотите, вы откажетесь от своих прав? – спросила она.

– Я смогу, – ответил он, – не случайно вы пришли именно в мое издательство, зная, что оно одно из крупнейших в стране.

– А вы взялись с нами работать, зная, что через год выйдет фильм по нашему сценарию! – гордо заявила Галя.

– Совершенно верно – у нас обоюдный интерес, – согласился тот.

– Хорошо, допустим, мы согласны, – ответила она. – Что дальше?

– Дальше вы подписываете договор, и мы начинаем работать...

Леонидов был счастлив! Он помнил это издательство – все свои книги он присылал на рассмотрение сюда, но неизменно получал отказ. Все эти два года, четыре книги и неизменный ответ: Это не наш «формат». А тут сидит напротив него издатель и говорит свое «хорошо»! Это победа, это начало! Поворот в судьбе! Как просто: надел костюм, принес рукописи, подписал договор, а дальше работа и работа – тысячи страниц, десятки книг, масса планов. Он будет нести их сюда, а дальше они пойдут на книжные полки, к людям! Храм книг!..

– ...сначала мы дорабатываем, вносим изменения и дополнения, убираем лишнее, потом редактируем, корректируем и в печать. Ну, а дальше, господа, ваши рукописи, наша работа и ежемесячные гонорары. Начнем?!

– Да! – с радостью согласилась она.

– Простите, как дорабатываем? – внезапно спросил Леонидов.

– Как обычно, вносим некоторые изменения, – спокойно ответил редактор.

– Изменения?... Вы меняете содержание книг?

– Конечно!.. Это обязательное условие... Почитайте договор, там сказано об этом.

– То есть, вы берете мою рукопись, переписываете, меняете сюжет, смысл? – он не верил своим ушам.

– Не все, конечно. Кое-что... Немного... Чуть-чуть... Кое-что дополняем или убираем. Так работают все – вы не знали об этом?

– Нет, – ответил он совершенно огорошенный... А зачем?

– Понимаете, книга – это товар, и только издатель знает конъюнктуру рынка, знает, что читателю интересно, что он будет читать. А автор зачастую витает в облаках. Но его шедевр продавать нам... Короче, книга должна иметь свой формат, только тогда она становится товаром и ее будут покупать.

– Судя по всему, вы окончили литературный институт или факультет журналистики? Неужели вы позволяли, как вы говорите, изменять ваши книги или статьи? – спросил он.

– Я не закончил ни то и ни другое, – засмеялся издатель, – ничего за свою жизнь не написал... И не собираюсь! Это бизнес, как вы не понимаете, просто бизнес! – ему было весело, он уже хохотал. – Писал!.. Я занимался логистикой!..

– Чем? – не поняла Галя.

– Перевозками, – подсказал Леонидов.

– Совершенно верно, – подтвердил издатель, – перевозил книги, отгружал, начинал простым грузчиком, коробейником...

– Но, как же вы работаете с этим товаром? – удивилась Галя.

Он снова засмеялся: — Я делаю это давно и делаю лучше других! Ведь мы живем в замечательной стране в замечательное время, где простой грузчик может стать хозяином уважаемого издательства! Это же замечательно! Или вы так не считаете? — и он поправил восхитительный пиджак на широкой груди.

И тут Леонидов вспомнил слова старичка о том, что любой, надевший такой наряд, становится похожим на человека-денди, который закончил Оксфорд. Но как теперь их различать?

— Да-да, вы правы! — пробурчал он в ответ. — Но, неужели нужно править мои книги? Что вас в них смущает?

— Честно говоря, я не читал ваших книг, у меня нет на это времени, — раздраженно ответил издатель и мягче добавил, — я всего лишь главный редактор... хозяин. Но у меня работают классные специалисты, которые ставят правильный диагноз. Что смущает? Вот записка моего редактора. Его смущает так называемый, — он внимательнее присмотрелся к тексту, и по слогам прочитал: — Так называемый э-зо-те-ри-ческий финал. Это неинтересно, несовременно! Главное — сюжет, захватывающая история! Непрерывная цепь событий! Должен быть настоящий блокбастер!

— Экшен! — неожиданно весело перебил он грузчика-издателя. Разговор начинал по-настоящему его забавлять. А Галя недоуменно на него посмотрела, не понимая этой радости.

— Совершенно верно! — воскликнул редактор. — Наконец

вы меня поняли. Кроме того, в дальнейшем мы будем давать рекомендации – что писать, а что не писать, на что не имеет смысла тратить время. А время, как вы понимаете, – деньги! Работать на заказ – что может быть интереснее и проще! Вам предлагают тему, сюжет, и вы своим талантливым пером делаете остальную работу. Любой писатель мечтает о таких условиях. Потом книга пошла! Мы делаем серию!

– Серию? – переспросил Леонидов. – Одинаковые книги? – теперь ему стало невероятно весело, и он тоже засмеялся. И сидели эти два человека в изумительных костюмах, смотрели друг на друга с пониманием и радостно смеялись.

– Нет! – хохотал редактор. – Книги разные, но название одно! Один Бренд! Леонидов 1! Леонидов 2... и так далее! И не нужно тратить на раскрутку, читатель с нетерпением ждет продолжения! Он заваливает нас письмами: Когда? Он торопит нас!... А мы вас!

– Всю жизнь писать одну книгу с одним названием, темой. Всю свою жизнь продолжать ее! Что может быть интереснее? – веселился Леонидов...

– Конечно! – издатель перевел дух и закончил, – очень рад, что мы друг друга поняли и все порешали.

– Да, поняли,... поняли..., – Леонидов встал и не торопясь направился к выходу. Медленно брел по длинному коридору, и в первый раз этот легкий, почти невесомый пиджак, жал со всех сторон. Он давил, перетягивая тело и мышцы, а галстук, накрепко вцепившись в горло, хотел его

придушить. Повсюду сновали люди – «классные специалисты», книги свисали с пыльных полок и стеллажей, а на обложках был нарисован тот самый человек, который с крыши головой вниз летел прямо в болото, где разбивался, превращаясь в мокрую кровавую кляксу, в грязную тень, в след...

7

Телефон настойчиво звонил. Он жужжал, издавая звуки назойливой мухи или осы, которая, затаившись, ждала, когда ее выпустят на свободу. И тогда она вопьется в свою жертву, будет жалить и пить ее кровь. Это непреодолимое желание появилось в последнее время – выпить чьей-то крови. Ведь если это делают все, как заразительна, как сладка эта мука! Впиться в человеческую плоть, дотянуться до вены и почувствовать теплую вязкую, манящую сказку, густой коктейль из плоти, жизни и тепла. А этот человек так беззащитен, что ему уже все равно, сейчас его съедят или чуть позже разотрут твердыми челюстями. Даже кости превратят в порошок и тлен. А запах жертвы висел в воздухе и пьянил. Так почему бы не стать первой?

Человек снял трубку.

– Господин Клейзмер?... Журналист Бобрин.... Газета «ЖУРНАЛ».... Интервью для нас....

Все просвистело в ушах одной короткой, жизнерадостной

фразой.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – поздоровался он.

– До нас дошла удивительная новость! Вы получили математическую премию, но отказались от миллиона?

– Да.

– Но почему?

– Это не мой миллион, – просто ответил он.

– Как не ваш? Его присудили вам?

– Да.

– Значит он ваш!

– Нет.

– Но почему?

– Понимаете...

Клейзмер задумался, продолжая тщательно подбирать слова:

– Он не принадлежит мне. Сотни математиков продвигали это решение многие годы, а я оказался в конце процесса и был последним. Вот и все.

– Но вы закончили работу, значит миллион ваш.

– Нет.

– Стоп, давайте еще раз... Математический институт присудил вам премию в 1 миллион долларов. Так?

– Так.

Значит он ваш?

– Нет.

– Тогда чей?

– Понимаете, господин Бобрин, существует такое понятие как ученая этика и нельзя пренебрегать ею. Нельзя брать то, что не принадлежит тебе. Вы меня понимаете?

– Нет. Премию присудили вам, значит она ваша.

– Нет.

– Неужели я поверю, что вы просто так отказались от миллиона? Господин Клейзмер, мы с вами взрослые люди. Таким рассказням не поверит даже ребенок. То, что вы мне только что рассказали, невозможно! Нереально! Китч! Я не могу написать такое в нашей газете «ЖУРНАЛ»! Меня читатели засмеют, примут за идиота!

– Мне очень жаль, – ответил Клейзмер.

– Так, хорошо, я вас понял. Давайте поступим следующим образом. Я беру у вас эксклюзивное интервью и плачу 20 тысяч долларов, а вы откровенно рассказываете всю подоплеку. Устраивает?

– За информацию о том, почему я не взял миллион долларов, вы предлагаете мне 20 тысяч? Это неверное некорректное решение.

– Обычно мы платим такие гонорары всем нашим ВИП-клиентам, а вы еще даже не получили свою премию!

– Попробуйте решить эту задачу по-другому, иным способом и перезвоните мне. До свидания, господин Бобрин, – и он повесил трубку.

Она уже увеличивалась в размерах. Росла, мечтая о том дивном часе, который скоро наступит. Чудном волнующем миге, когда не помешает никто, и она вонзится в жертву, будет терзать ее и ранить, ворошить органы жалом, которому осталось лишь немного подрасти, и тогда оно превратится в копье, в страждущий меч, которому это бренное тело уже нипочем, и даже кости не застрянут в дырявых зубах. И тогда, обгладывая его по кусочкам, она будет владеть им, терзать, обладая всецело.

– Господин Клейзмер?

– Здравствуйте.

– Здравствуйте. Я подумал над вашим предложением, могу добавить еще пять тысяч – это очень хорошая сумма. Подумайте!.. Вы меня слышите? Алло! Вы согласны?

– Вам нужно сменить алгоритм и идти совсем другим путем. Ваша арифметика по своей сути некорректна. Так у вас ничего не получится. Подумайте-ка еще. Я буду ждать вашего звонка.

И он снова положил трубку.

А она уже становилась огромной зеленой жабой, меняя цвет, уже длинной гиеной готовилась совершить прыжок... Нет, не так. Так не интересно! Теперь огромная корова маячила, зависнув в воздухе, как надувшийся стратостат. Сейчас этот тип закончит разговор, положит трубку, и можно

будет начинать. Хотя, чего ждать – можно прямо сейчас...

– Господин Клейзмер?

– Здравствуйте.

– Здравствуйте. Я посоветовался с моим руководством. Мы идем вам навстречу. Тридцать тысяч долларов! Это огромный гонорар за такое интервью!

– Вы снова на ложном пути. Вы изначально неправильно решаете уравнение. Вы... как вам объяснить, соотносите кирпичи с помидорами, а котлеты с пчелами, – и он почесался от укола в щеку, но, уже не обращая внимания, продолжил, – переменные должны быть однородными. Попробуйте еще раз и обязательно перезвоните...

А щека уже горела от ядовитого укуса...

– Подождите! Не вешайте трубку! Я не могу дать вам миллион за ваш неполученный миллион! Я не виноват в том, что вы его не берете! Такая информация этих денег не стоит! Я понимаю, вы хотите получить намного больше!

– Вот! Намного больше, – обрадовался Клейзмер, – в каком-то смысле вы правы. Хорошо! Уже ближе. Но все равно, подумайте еще и обязательно перезвоните. До свидания...

Он снова повесил трубку.

Оса величиной с корову! А какое у нее жало! Какой удар,

когда ты заваливаешь жертву, пронзаешь острым копьем, и кровь брызжет из рваной раны, заливая красным соком все вокруг, но тебе этого мало! И тогда ты начинаешь вращать его, проворачивать, разрывая органы на части. Проникать все глубже и глубже, терзая уже безжизненную израненную плоть...

– Господин Клейзмер?

– Здравствуйте.

– Здравствуйте. Я поговорил с руководством, подумал и понял одну простую истину – вы, господин Клейзмер, просто придурок! Самый настоящий придурок! И это все, что я могу сказать!

Копье вонзилось и прожгло острой болью его беззащитное тело...

– Вот! Наконец! Вы сами решили эту простую задачку, и не нужно было никаких денег! До свидания, господин Бобрин, – и Клейзмер повесил трубку.

Потом его рука начала увеличиваться в размерах, стала огромной, как лапа динозавра, и своей чешуйчатой пятерней легко ударила по щеке... по израненной щеке. И оса-корова, не ожидая такого, расплющилась, растеклась по лицу, забыв о своих похотливых желаниях, а желания ее стали плоскими

и безобидными, и оса тоже стала плоской.

«Придуток» подошел к окну. Оно было широко распахнуто, а за ним начинался бесконечный удивительный мир, который он доказал. Его борода развевалась на ветру, шевелюра шелестела черным взъерошенным садом, а глаза горели и пронзительно смотрели вдаль... Или куда-то еще... Так почему же он не делает этот шаг, зачем ждет чего-то? Ведь он открыл его! Ошибки быть не могло!.. Вот, только жаль, что ОНИ не поймут. И никому этого не объяснить. Только он один и этот порог, через который так хочется переступить. И какая-то сладостная мука от шага, который он сделает... скоро, очень скоро, обязательно сделает... разлилась по всему телу. Только жаль, что они не поймут.

– А этот тип не так уж беззащитен, – подумал телефон, намереваясь ему позвонить. Но одумался. Мало ли что?

Леонидов стоял у окна и смотрел вдаль. Было жаркое лето. Было хорошо и спокойно. Он поступил правильно. Иногда нужно что-либо сделать, а иногда ничего не делать, и тогда ты окажешься прав. Как просто было подмахнуть ту бумагу, оставив рукописи, и гори все огнем. И загорелось бы, запылало в умелых руках «классных специалистов». Стирались бы строки и страницы, люди, им придуманные, их лица и судьбы. На них с Галей тоже надевали бы другие наряды, постепенно сделав их другими. Они переписали бы его

книги, переписали два года его жизни и заплатили бы за это. За каждый месяц и день, за каждую строчку.

С тебя медленно снимают кожу, свежуют, меняют мозги. «Кое-что». Немного, «чуть-чуть». И ты становишься «чуть-чуть» другим. Небольшая пластическая операция на мозгах и в душе. Пластика души! Душевная пластика!

Они изменяют тебя, жизнь, заберутся в твою кровать и там тоже будут «кое-что» менять и редактировать. Галя окажется совсем голая как на операционном столе. Они вдвоем будут лежать рядом во время этой операции целых пять лет, и пять лет яркий свет будет слепить глаза, а они под наркозом, который будут выплачивать ежемесячно, разрешат отрезать от себя понемногу... или «добавлять».

– Можно убрать селезенку!

– Как селезенку?

– Вы же подписали договор! Ничего страшного, можно и без нее, другие живут! Еще можно отрезать легкое!

– Но!

– Есть второе легкое, вы не волнуйтесь! А здесь мы укоротим нос и подрежем губы. Так будет лучше, намного лучше, не волнуйтесь! Все по договору! Теперь приставим костыли и укоротим ноги, все четыре ноги. Теперь вставим сердце от свиньи. В наш высокотехнологичный век мы заменим все, и вы станете идеалом, символом для многих! И равняться будут на вас, и завидовать! Просто мы подкорректируем! Немного. «Кое-что». Чуть-чуть!

И любить друг друга они тоже теперь будут на этом столе под наркозом по договору, и жить тоже. Им немного, «чуть-чуть», изменят биографию, может быть, дадут новые имена, псевдонимы. Потом будут водить пером, приглашая на праздник, который они придумали. И на этом празднике соберутся все в удивительных нарядах и будут праздновать победу нового автора, новый бренд. А люди снова будут читать и аплодировать. Аплодировать, потому что сравнить больше не с чем. «Разве вы не знаете, так работают все?» Как жаль, что они так и не поймут и не узнают, что же им хотели сказать...

– Этого не будет! Не будет! – подскочил он в ужасе.

– Нет, нет, не будет... Тихо!.. Все хорошо... Это сон...

Просто дурной сон!

Он лежал на скомканной простыне, на изумленной кровати, а Галя держала его за руку. Было темно и никакого пронзительного света. Никаких скальпелей или других хирургических орудий пыток. Кроме нее, здесь пока не было никого.

– Господи, как хорошо, что ты у меня есть, – Леонидов медленно приходил в себя.

– Спи. Все будет хорошо.

– Да, будет. Все будет...

Как это удивительно и здорово, как весело, как будоражит воображение, меняет сегодняшний день и жизнь. Как интересно начинать новое дело! Свое! Когда тебе всего сорок с небольшим, а ты чувствуешь себя мальчишкой, потому что позволяешь придумать в своей жизни что-то еще! Что-то новое!

– Леонидов, ты абсолютно прав. Мне бы твою интуицию. Как я сразу не разглядела этого издателя. Чем мы хуже его? Мы что, не можем сами создать писателя, не можем раскрыть его, тем более, он у нас есть! Мы не можем сделать свое издательство? Ерунда! Мы живем в замечательное время в замечательной стране, где простой грузчик может стать уважаемым издателем! Чем мы хуже грузчика? А у нас есть главное...

– Костюмы от Медильяне! – пошутил он.

– Нет! Можешь не иронизировать! Они тоже пригодятся, но немного позже... Главное – книги! А они уже написаны!

– И лежат в электронном виде в компьютере! – засмеялся он.

– Ты совершенно прав! Пора издавать свои книги! Грузчик печатает чужие, а мы свои! Будем печататься!

– Галя, скажи, а у тебя никогда не возникало желания прочитать что-нибудь? Хотя бы одну из моих книг?

– Потом, Леонидов! Потом! – засуетилась она. – Не сейчас, Леонидов, у нас масса дел!

Но приостановила на секунду свой ретивый галоп и мягко добавила: – Прочитаю! Обязательно прочитаю! Но сначала напечатаю их!

И снова ее закружило в безумном вихре, в водовороте идей, куда уже затягивало не раз. А он только смеялся, совсем не обижаясь. Обижаться на нее было невозможно.

– «ИЗДАЕМ И ПРОДАЕМ». Вот наш ближайший план! – прочертила она в воздухе этот пока лишь нарисованный в ее воображении плакат. Но он уже искрился, сверкая в свете ее блестящих глаз, в потоке безудержной энергии и фантазии.

– Что бы я без нее делал? – подумал Леонидов.

– Я провела небольшой маркетинг и вот результат, – она загадочно на него посмотрела: – Сотни фирм, маленьких издательств, типографий занимаются настоящим делом! Представляешь! Сегодня ты можешь без цензуры, без всяких разрешительных и запретительных контор и отделов так называемой культуры принести свою рукопись в такую фирму и через несколько дней получить тираж! Более того! Слушай внимательно! «Издаем и продаем». Все они занимаются, безусловно, полезным делом. И если ты напечатался у них, они с легкостью начинают продавать твои книги. А это – главное! И ни от кого не зависишь! Никаких эксклюзивов и договоров! Ты не закладываешь себя в ломбард! Пишешь и печата-

таешься, снова пишешь! Потом весь тираж продан! Ты заработал на разнице кучу денег и потом эту кучу...

– Едешь на край света и швыряешь ее на ветер!

– Нет! – гневно воскликнула она. Всю кучу ты вкладываешь в новую кучу, но уже книг, снова печатаешь, снова продаешь, и так, пока спрос на них не уляжется. Пока ты не забрасаешь все книжные полки в домах любимых читателей. А к тому времени наваяешь новые шедевры! И так до бесконечности!

Глаза ее горели! Она была в восторге. Как это просто, имея небольшую сумму, открыть целое дело, а дальше работать, больше не думая ни о чем, кроме своих книг. Как замечательно продавать не чужое, а свое! Потому что это твое у тебя есть!

– ДЕЙСТВУЕМ!

Теперь они шли по новому коридору... коридорчику, где на каждой двери были вывески разных фирм.

– Вот, – произнесла она, – здесь!

«ИЗДАЕМ И ПРОДАЕМ!» – было начертано на ней!

Они вошли в дверь. Небольшой кабинет, в нем двое мужчин, а вокруг книги, книги... Тысячи книг окружали их, и эти двое казались маленькими, заблудившимися детьми среди нагромождения. – Вот! – подумал он. – Здесь, пожалуй, люди занимаются настоящим делом! Пусть этот кабинет находится не в самом центре Москвы или страны, а на окраине,

но здесь книг в сотни раз больше, чем в издательстве, откуда они сбежали. Храм книг! Вот как он должен выглядеть! Вот кто делает настоящее дело и печатает настоящие живые, книги, а не подделки.

Договор оказался всего лишь на страничку, и в нем почти ничего не было, а главное, никаких обязанностей для автора и эксклюзивов.

– Никакого эксклюзива? – тем не менее, грозно спросила Галя.

– За кого вы нас принимаете? – вежливо ответил маленький издатель. – Конечно, никакого.

В договоре было всего два пункта: Первый – ИЗДАЕМ. Второй – ПРОДАЕМ. Даже Галя не стала изучать его. Изучать там было нечего. Разговор не занял много времени.

– Через три недели вы можете получить ваш тираж, – сказал маленький издатель, пересчитывая деньги.

– Получить? – спросила она. – Он нам не нужен. Вы же будете его продавать!

– Ну, я в том смысле, что... посмотреть... поддержать в руках и расписаться. А потом мы будем продавать! Конечно, будем, – и он обернулся на горы книг.

– Расписаться? Да, расписаться. Конечно, – успокоилась Галя.

– И никаких длинных договоров, дорогих костюмов и галстуков, – думал он. – Ребята в футболках и джинсах делают свое дело. Настоящее ДЕЛО! Вот каким должен быть Храм

книг. Все просто!

Теперь они шли по короткому коридору, коридорчику, и глаза его светились. Уже не болото, не вязкая топь, а широкое озеро расстиралось вдалеке. На поверхности один за другим появлялись маленькие бугорки – островки, на которых росли крохотные деревья, покрытые сказочными цветами и листвой. Прямо на глазах на волшебных ветвях вырастали прекрасные плоды. Райский сад! А между островками плавали люди. Они причаливали к дивным берегам, срывали прекрасные плоды, клали их в лодки и уплывали. А на смену им появлялись другие.

Вот так его книги, его и таких же, как он, будут попадать к людям, в их лодки, на полки. А если плоды покажутся кислыми и невкусными? Значит, люди выбросят эту дрянь и не станут читать.

9

С другом они встречались «часто» – один-два раза в году. С тем самым другом, с которым вместе учились когда-то, но потом дороги разошлись. Друг остался верен профессии, а он ушел в бизнес на целых пятнадцать лет. И все эти годы они «часто» встречались – один-два раза в году. Трудно представить себе место, где им было бы удобнее посидеть, спокойно поговорить, обсудить планы. Каждая такая встре-

ча была возможностью посмотреть на себя в зеркало со стороны, сказать то, что думаешь. И место должно было соответствовать. Может быть, это был ресторанчик или пивная, а может, какое-то другое заведение в самом центре Москвы. В любом случае, они сидели за бесконечно длинным столом. Длинным, потому что всегда можно позвонить старым друзьям, и те непременно приедут. Здесь можно было говорить громко, вставая со своих мест, широко жестикулируя, что-то показывать. И чтобы постоянно подходил официант, меняя пустые кружки с пенным напитком на полные. И, конечно же, в этом месте можно было сидеть бесконечно долго.

Что можно делать столько времени, они не знали, о чем говорили, не помнили, потом вспоминали, удивляясь, держась за больную голову. Иногда эти встречи начинались в полдень и затягивались до глубокой ночи. Они могли находиться там почти сутки, о чем-то говорить, спорить, доказывать, кому-то звонить, строить грандиозные планы.

Это место напоминало палубу огромного корабля, который собирался отправиться в далекое плавание, но почему-то пока стоял у причала на якоре. Но ветер перемен уже трепал паруса, и салфетка в руках официанта, развеваясь, как флаг, едва не улетала в открытое море... А может быть, в океан... Шум волн за бортом, порывы непокорного ветра и азарт встречи заставляли говорить все громче, темпераментнее. Нервно переворачивались, шевелились в своих постелях или жизнях, пиджаках или в ночных халатах те, о ком

они вспоминали. Целые каналы телевидения, самые крупные издательства замирали, понимая, что сейчас решается их судьба, их будущее. Решаются самые главные, глобальные, можно сказать, фундаментальные положения, на которых стоят такие гиганты как документальное кино или современная литература. Да, что там современная, вся классическая литература и кино за столетия существования. Хотя, разве кино существует столетия?... Это не важно! Главное, каким будет это кино и жизнь людей в целом! Вот такое место в самом центре Москвы служило им для встречи. Какая же это пивная или ресторан? Палуба огромного лайнера – не иначе. А на ней эти двое – смотрящие вдаль.

– Старина! Рождается грандиозный проект под названием Театральный канал. Министр скоро выделит деньги, и мой документальный фильм о театре будет показан в день открытия в прайм-тайм!

– Прайм-кто? – переспросил Леонидов.

– Не важно, кто. Главное, будет показан первым! И канал этот станет первым! – и он поднял свой бокал.

– За тебя, Петров! За тебя, старина, за ваш канал!

И они выпили.

– Конечно, пришлось вложить деньги. Не без этого. Несколько тысяч долларов. Но как только канал заработает, все окупится! Обязательно окупится!

Леонидов с восхищением посмотрел на друга, который

уже двадцать лет работал неизвестно где, неизвестно кем, но трепетно и терпеливо ждал своего часа. И теперь вложил все скромные сбережения в этот фильм.

– Главное – Театр!

И они снова выпили.

– А зачем ты выкинул деньги на свои книги? – спросил тот. – Подписал бы договор и был бы сейчас известным писакой? Богатым писакой!

– Переписанным писакой или литературным рабом! – ты прав.

– Наступи себе на горло, старина! Так работают все, – и ехидно улыбнулся.

– Ты же вложил свои деньги в фильм, не стал дожидаться, когда откроется канал.

– Ну, уж нет! Театр – это святое! Театр – это театр! К тому же, мой продюсер пообещал, значит, все вернут, обязательно вернут! Все окупится! Главное театр!

– Театр! – и они снова выпили.

– Так что, мы с тобой теперь товарищи по несчастью!

– По счастью! Открываем свое дело на собственные деньги!

– Дело! За дело!

Дельфины за бортом резвились, подплывая совсем близко. Им тоже хотелось узнать о новом канале и новом писателе, о том, что нового у этих людей и чем они живут. Паруса

просились в дорогу вслед за ветром. А ветер уже надувал их нетерпеливой трепетной силой, звал в неизведанные дали, где только плеск волн и солнце ласкает утренними лучами бескрайний океан. Оставалось только сняться с якоря.

– А кому ты платишь, Петров? – спросил Леонидов. –
Взял камеру и иди снимай.

– Как кому? – удивился тот. – Оператору заплати? Заплати! Монтажеру тоже. Осветителю заплати. Машину возьми напрокат. Композитору! Нашел классного композитора, раньше был звукооператором. Теперь пишет музыку – берет недорого. Сценаристу заплати? Заплати!

– Сценарист кем был раньше?

– Сценарист? – задумался он, – сварщиком! – и засмеялся.

– А оператор?

– Оператор – фотографом. А художник по свету – электриком! – уже хохотал он. Леонидов тоже хохотал.

– А грузчиком никто у тебя не был?

– Грузчиком? – засмеялся Петров, – грузчиком был я. Закончил театральный и двадцать лет был грузчиком, а теперь режиссером! – и снова захохотал.

Леонидов тоже смеялся, потом встал и торжественно взял слово:

– Мы живем в прекрасное время, в прекрасной стране, где электрик становится художником, а звукооператор композитором, фотограф оператором! А сварщик может стать

сценаристом...

– А режиссер грузчиком! – перебил, хохоча Петров.

– А режиссер – бизнес-крысой! – добавил Леонидов. – Так выпьем за то, чтобы грузчик снова стал режиссером, а крыса писателем!

Якорь сам собой поднялся из воды, и последние капли упали на, раскаленную от солнца, палубу. Официант вместо салфетки сам завис в воздухе, развеваясь на ветру белым флагом в черных брюках, а на голове его лихо сидела фуражка моряка. Он уцепился одной рукой за рею, а другой аккуратно подливал в бокалы пиво, и пена летела во все стороны. Корабль гордо, уверенно отошел от причала, поплыв по волнам. И куда его занесет этот ветер, было непонятно. Что ждет его на пути – оставалось загадкой. Но этим двоим было все равно. Главное плыть!

10

Это было для Леонидова потрясением! Он смотрел, не отрываясь, на коробки с книгами и не мог прийти в себя.

– Распишитесь здесь... и здесь...

Он на ощупь водил рукой по листу бумаги, ставя подпись и продолжая смотреть на книги. Потом бережно взял одну. Легкая, невесомая, волшебная тетрадка, на ней было название его первой книги, на обратной стороне фотография и

его имя. Раскрыл ее, и месяцы работы, безумного, безудержного труда восстали из памяти. Они были в каждой букве и строчке, на каждой странице. Вот его придуманные люди, они, переходя со страницы на страницу, взрослеют, меняются их жизни, судьбы. Вот финал, и человек, сняв надоевшую обувь, бредет по берегу, и песок запоминает каждый его шаг. Потом океан стирает их, и они растворяются. А человек все идет и идет...

Леонидов закрыл книгу, бережно положив ее в коробку. Точно такое же чувство у него было, когда появился на свет его сын. Он летел через весь город к родильному дому, потом долго стоял под окнами, наконец, в ее руках увидел его, и солено-горькая нежная радость заволокла глаза и комом стояла в горле. Он смотрел и не мог отвести глаз. И теперь так же стоял и смотрел.

– Вы заберете какое-то количество экземпляров? – спросил маленький издатель.

– Заберу? А разве можно?

– Ну, конечно же, можно! – ответил тот. Он был, словно тот врач из роддома, спокойный и уверенный, уставший от работы, равнодушный и вежливый. Каждый день через его руки проходят малыши. Десятки маленьких людей. Он уже не удивляется ничему. Интересно, если у него родится сын, что почувствует он? И почувствует ли?

– Можно, можно, – ответил тот, – берите, сколько хотите! Они ваши! Берите, хоть все!

– Как все? – отпрянул он. – Что же вы будете продавать? Что пойдет в магазины?

– Берите сколько хотите, – повторил маленький издатель, – и распишитесь в получении...

Леонидов взял десять штук,... нет, двадцать, расписался и подумал:

– Интересно, когда я забирал сына из родильного дома, тоже расписывался? Не помню,... уже не помню...

– До свидания, – попрощался маленький издатель.

– А дальше..., – спросил Леонидов, – когда вы их продаете? – и вновь посмотрел на коробки с книгами. Он смотрел, понимая, что больше их никогда не увидит. Они пойдут в магазины, потом перейдут на полки к людям, и он потеряет их навсегда. Но ведь для них он писал! Он делал это для людей! Тогда, какого черта? И все равно было жалко прощаться с ними, расставаясь навеки,... навсегда...

– Звоните, – равнодушно сказал маленький издатель, – через месяц, через два. Сейчас мертвый сезон. Лето.

– Как, – удивился он, – а что, летом книги не читают?

– Летом их не покупают, – грустно сказал издатель.

– Потрясающе, – подумал он. И уже вслух повторил: – Значит, звонить через месяц?

– Звоните, звоните, – повторил издатель, и они попрощались.

Он шел и думал: – Летом книги читают, но не покупают! Как такое может быть? А, может и дети летом не рождаются,

только растут те, которые уже куплены..., то есть, напечатаны..., то есть... Тьфу! – и голова шла кругом.

Но голова прошла, теперь можно было собраться с мыслями, сосредоточиться и писать! Только писать.

11

У собак есть странная особенность. Может быть, не только у собак, но и у других животных, но они должны быть обязательно хищниками. Так вот. Собаки не переносят страха по отношению к себе. Собаки сами по себе смелые животные, и такое трусливое поведение выводит их из себя. Такое недостойное поведение! И если они чувствуют, что человек боится, непременно накинутся. Почему-то это заложено в их инстинкте. Кто это сделал, зачем, мы не знаем. За ответом пожалуйста к господину Дарвину или Господу Богу – смотря, в кого вы верите больше. Так вот, эти собаки спокойно проходят мимо людей, вежливо, иногда даже заискивающе помахивая хвостами, но стоп... этот явно боится, он трусит, он трус! И тут начинается! Так обстоит дело с собаками. Но если собаки похожи на людей или уже почти стали ими. Или наоборот, были людьми, но превратились в собак или других хищников – все становится намного сложнее. Инстинкт неприятия боязни для них сохраняется и почти всегда служит причиной агрессии и даже насилия. Так устроен человек. Этот инстинкт общий для всех хищников. Но больше

всего такого человека-собаку раздражает непонимание. Если он чувствует, что не понимает кого-то, этот кто-то непременно начинает его раздражать и даже бесить. И тогда он опять начинает бросаться. Наверное, так самая обыкновенная собака превращается в бешеную.

Клейзмер шел по улице, и стайки собачонок преследовали его. Это были разные собачонки: просто дворняжки, попадались метисы, которые походили на какую-то породу, а иногда за ним следовал красавец – породистый пес – кобель или сучка. Дворняги слабо тявкали и быстро отставали. Но эти кобели, эти сучки! Они вели себя, как настоящие элитные псы, хрипели, пена стояла у рта, лапами упирались в асфальт, норовя укусить и даже разорвать, становились в стойку, готовясь к решающему прыжку, чтобы вцепиться в горло!

Они разыскивали его! Они отобрали у него город и улицу, не давали спокойно добраться до магазина или просто пройти по скверу или парку! Остальные граждане шли мимо, не обращая внимания на этих псов. Они были нормальными, понимаемыми и не трусливыми людьми, поэтому не интересовали лающую свору, но этот человек!

И теперь он предпочитал общаться с ними только по телефону. Нет, он не боялся их. Может быть, даже хотел с ними поговорить, всякий раз с надеждой снимая трубку, но всегда слышал одно и то же. И все как-то не получалось. Он быстро проскальзывал по улице со своей авоськой, забегал в дом, в

подъезд, куда путь им был заказан. Но стоило открыть дверь в квартиру, все только начиналось.

– Господин Клейзмер! Здравствуйте!

– Здравствуйте!

– Журналист Собакин.... газета «Собачьи новости»....

Интервью для нас.

Все как всегда просвистело, пролаяло одной короткой, жизнерадостной фразой.

– Господин, Клейзмер! До нас дошла удивительная новость! Вы получили от Математического института премию в миллион долларов!

– Да, получил!

– Но вы не взяли ее!

– Не взял.

– Почему?

– Вы все равно не поймете, – с сожалением отвечал он. – До свидания, – и вешал трубку. Но телефон, не долго думая, начинал звонить снова:

– Господин Клейзмер, журналист Собакин. Здравствуйте!

– Здравствуйте.

– Но, почему я не пойму? – возмущенно хрипела мембрана в ухо.

– Потому что я не могу вам этого объяснить. До свидания.

И опять вешал трубку. Телефон весело звонил снова. Он уже полюбил эту ежедневную игру. Многие годы он молчал,

но сейчас разминал свои старые кости, работая за двоих:

– Господин Клейзмер, журналист Собакин. Здравствуйте!

– Здравствуйте.

– Но, почему вы не можете мне этого объяснить?

– Потому что вы не поймете, – и снова клал трубку.

– Господин Клейзмер, журналист Собакин. Здравствуйте!

– Здравствуйте.

– Господин Клейзмер, мне еще долго вам звонить? Может быть, вы ответите на мой вопрос? Ответьте, и я оставлю вас в покое!

– Звоните, сколько хотите, – ответил Клейзмер.

– Но почему?

– Вы не поймете, до свидания.

– Господин Клейзмер, журналист Собакин. Здравствуйте!

– Здравствуйте.

– А зачем вы снимаете трубку? – устало спросил журналист Собакин.

– Я не могу вам этого объяснить, – спокойно отвечал Клейзмер.

– Но почему? – заскулил Собакин.

– Потому что вы все равно не поймете. До свидания.

– Господин Клейзмер! Здравствуйте!

– Здравствуйте!

– Господин Клейзмер, журналист Лайкин, газета «Собачья радость». Интервью для нас.... А почему вы не бреете бороду?

– До свиданья.

– Господин Клейзмер, журналист Степа, газета «Сахарная Косточка», а почему вы не стрижете ногтей?

– До свидания.

– Гоша! журналистка Жули, а почему вы не стрижетесь?

– До свидания.

– Гоша, здравствуй! Тяпкин. А почему ты не женат?

– А почему вы не уедете в Америку?

– Зачем вы ходите в филармонию?

– Почему вы любите собирать грибы?

Он стоял и смотрел в окно. Стайка собак, задрав морды, с любопытством смотрела на него, махала хвостами и покусывала, пуская слюни. Вдалеке ехал трамвай, шли люди, дымились трубы завода. Там, дальше, золотые купола венчали верхушку Собора, а над ней вились стаи птиц, а еще дальше...

– Почему вы не спросите меня, что я доказал? Не спросите о том, что я понял? Что знаю? Что дано понять каждому? КАЖДОМУ! Придурки. Стайка придурков!

Леонидов сидел у компьютера и пытался сосредоточиться. Где-то далеко сейчас лежали его напечатанные книги, тысячи книг, они развозились машинами из маленького офиса по магазинам и киоскам Москвы. Устраивались поудобнее на полках, ожидая, когда же на них обратят внимание, когда купят?! Даже не в том дело, что купят, главное, что их

будут читать, а, значит, наконец, услышат его слова, мысли. Он не верил, что у книг есть мертвый сезон. Это не кондиционеры или мороженое, не арбузы или обогреватели, всем этим вещам есть свое время и свой сезон. Но может ли быть мертвым сезон для книг? А значит, где-то сейчас шагает человек с раскрытой книгой в руках и читает первые строки, продвигаясь все дальше и дальше. Они ведут его за собой, помогают перейти улицу на светофоре, не дают споткнуться, упасть. Снова ведут... А он сидит, думает об этом и не может сосредоточиться.

Звонок пришелся очень кстати. Телефон убедительно высвечивал имя Петрова, он снял трубку, и шум морского прибоя стремительно вырвался из динамиков. А на губах ощущалась соленая пена морских волн.

– Старик, привет, – скромно поздоровался тот.

– Привет, – ответил Леонидов.

– Не звонил тебе неделю – ты тогда... нормально добрался домой?

– Скорее, доплыл, – засмеялся он. – Качка была большая.

– М-да, – задумчиво пробормотал Петров. – Палуба явно накренилась. Морская болезнь мучила не одну милю.

– Ты хоть помнишь, где мы были? – спросил Леонидов.

– Надо вспомнить, – задумался Петров, – обязательно надо. Отличное место! Будем туда заходить.

Они немного помолчали, тщетно пытаясь вспомнить. В голове лишь возникал образ официанта, почему-то висяще-

го на рее, флагом развевающегося на ветру. Вспоминалась его морская фуражка, в руке была бутылка пива, из которой он подливал в бокалы.

– Да, хорошо посидели, – первым очнулся Петров, – правильно посидели... Я что звоню, – продолжал он, – помнишь девчонку с нашего курса... Алку... Аллу... Ну, Аллочку.

– Ну, помню! Конечно, помню, – сказал Леонидов.

– Значит так, – повелительным тоном продолжил Петров. – Сейчас ты записываешь ее номер и звонишь.

– Позвоню, конечно, позвоню, почему бы и не позвонить – не общались лет двадцать...

– Ты меня не понял, – перебил Петров, – ты знаешь, кто ее муж?

– Нет, – ответил Леонидов.

– Известный московский издатель популярного и очень крупного издательства в стране. Соображаешь?

Молчание повисло в воздухе.

– Так,... не соображаешь, – грустно сказал Петров. – Ты звонишь и просишь свести тебя с ее мужем.

– Зачем? – удивился Леонидов.

– Зачем? – повысил голос Петров, – а затем, что тебе нужно нормальное издательство, если у тебя нет знакомств и связей, ты не писатель, а жалкий писака.

– Но, я уже сам напечатал несколько тысяч книг, и они скоро будут продаваться.

– Продаваться, – пробурчал Петров. – Записывай телефон

и звони, хуже не будет.

– Не будет, – согласился Леонидов, – хуже, конечно, не будет, – подумал немного и добавил, – а почему ты думаешь, что она станет мне помогать?

– Ты с ума сошел? Что ты несешь? Это же была одна компания! Ты помнишь наш курс? Помнишь спектакли? Да ближе этих людей по жизни никого и не осталось! Еще как поможет – вот увидишь! – сурово закончил он.

– Кстати, как твой фильм, как канал, все по плану? – спросил Леонидов.

– По плану, – проворчал тот, – снимаю. Министр пока денег не дает, снимаю. Прорвемся! Куда мы денемся!

– Что-то ты не в духе, – забеспокоился Леонидов, – у тебя все в порядке?

– Да, нормально... Короче, ты меня понял? Давай, звони. И продиктовал номер телефона.

Леонидов снова попытался сосредоточиться на тексте, но вскоре оставил это бесполезное занятие. Телефон, записанный на бумаге, лежал перед ним на столе и сверлил цифрами.

– Почему бы и не позвонить? Петров прав. Если бы позвонила она или кто-нибудь с курса, он все бы сделал для каждого из них. Вполне естественно. Даже любопытно. Почти двадцать лет прошло.

Из телефонной трубки повеяло весной, восьмидесятыми, безоглядной молодостью и влюбленностью. Влюблены тогда

были все. Могло ли быть иначе в театральном институте?

Голос ее совсем не изменился, он был низким и нежным, бархатным и молодым.

– Леонидов, ты?! Как ты нашел меня? Где ты пропадал столько лет?

– Почти двадцать...

– Двадцать? Ты хочешь сказать, что я такая старая? – и засмеялась.

Весна! Прекрасное время года, удивительное и незабываемое воспоминание в жизни каждого, кто через нее проходил. Исчезают, растворяясь в талой воде холода и зимние сугробы. Тают норы и лежбища, где хотелось переждать непогоду и ледяной застой. И вот она каплей будит тебя, заставляет забыть о прошлом, вчерашнем, забыть обо всем. Весна! Она пьяно шатается по городу, перебегая через улицы и площади, бесстыже заглядывает в окна, шевелит ветки деревьев, помогая им встрепенуться и вспомнить о чем-то, она светит яркими лучами, заставляя сердце биться чаще и смелее, тащит тебя переулками и подворотнями неведь куда. Вращает в водовороте шумного города, который тоже, кажется, сходит с ума. И ты тоже сходишь. Сходишь с ума, обещая вернуться, обязательно вернуться, только немного позже, потом. А пока она ведет тебя за собой, уносит, и ты совсем не противишься, потому что тоже этого хочешь. Хочешь всего!

Они говорили уже целый час, а за окном жаркое солнце напоминало о юности, учебе и далекой весне.

– Петров сказал, что ты теперь жена крупного издателя? – наконец спросил он.

– Ха! Крупного! Самого крупного издателя! Миллионы книг в год! Вот так, Леонидов! Жизнь идет вперед. Жизнь не стоит на месте! А ты чем занимаешься?

– Кстати, хотел к тебе обратиться, ... к твоему мужу, если ты не возражаешь, конечно.

– А что случилось, Леонидов. Зачем тебе мой муж?

– Я написал несколько книг, хотел показать профессионалу, и вообще, поговорить.

Она на минуту задумалась. Помолчала.

– Фу, черт, Леонидов! С тобой совсем потеряла голову! Мне же бежать за ребенком на кружок! Давай! Давай созвонимся позже!

Она уже летела с невероятной скоростью. Ветер свистел в телефонной трубке, и Леонидов едва за ней поспевал. Ветер теперь был совсем не весенним, а горячим, по-летнему знойным. Трубка в руках раскалилась и начала плавиться. И он тоже уже плавился на этой жаре, на бегу, едва за ней поспевая. А она все мчалась, не замечая никого.

– Так я могу показать ему свои работы? – сумел догнать он ее и, запыхавшись задать вопрос. А ветер все свистел, но она все-таки слышала.

– Да! Конечно, Леонидов! Какие могут быть вопросы? Присылай на мою почту, я ему передам! Поможем, конечно, поможем! Леонидов, давай присылай! Пока, пока, пока! – просвистело на прощанье.

Он бросил горячую телефонную трубку на письменный стол и долго еще смотрел, как она светилась красным огнем, остывая. А весна, прикрыв глаза, растворилась в вечернем знойном воздухе. И все-таки она была эта весна! Точно была! Как хорошо, что она была! Леонидов еще долго сидел и смотрел в окно. Думал, вспоминал, и больше сегодня не написал ни строчки.

12

Ангел уверенно вел его за руку по жизни. Книги его стояли в разных магазинах Москвы. Алла, наверное, уже прочитала его рукописи, а ее муж, крупный издатель, скорее всего, уже готовил для него договор – «правильный» договор, чтобы новый писатель мог, ни о чем не задумываясь, просто работать, писать, делать свое дело. Ангел был доволен им, а писатель своим Ангелом и Галей тоже. И такой тройственный союз их радовал, казалось, жизнь перевернулась, жизнь наладилась, стала такой, какой и должна быть, если ты талантлив, а рядом с тобой такие люди.

Прошел месяц с того момента, как он попрощался со своими книгами навсегда. Книги за это время проворно разбе-

жались по магазинам, по книжным лавкам, и теперь эти трое отправились их навестить. Сначала Леонидов просто хотел позвонить в издательство, но Галя настояла на таком походе, и теперь они прогуливались вдвоем, переходя от магазина к магазину. Вдвоем, потому что Ангел теперь был рядом. Он ни на минуту не желал его покидать, особенно в такой день.

У Леонидова было двойное чувство. Сейчас они войдут в магазин, он найдет на полке свою книжку, своего младенца, тот с укоризной на него посмотрит, и ему будет неловко. Но с другой стороны – он так хотел найти ее... их! Этого чувства не передать. Так бывает, когда на небе находишь свою звезду, смотришь на воду и видишь свое отражение. А самое удивительное, когда удастся подглядеть, как кто-то держит твою книгу в руках, перелистывает ее, читает...

Ангел прополз уже все полки, но ни одной книги не нашел.

– Проданы! – заявил он.

– Что? – не поняла Галя.

– Что, что? Все проданы – пошли в другой магазин...

– Пошли в третий...

– В четвертый...

Они оделись, как на праздник. На ней был восхитительный летний наряд или, скорее, по такой жаре его полное отсутствие, лишь намек на одежду. Есть одежда, которая совсем не одевает, только намекает или даже раздевает. Но Гале нравилось. С ее фигурой она могла себе это позволить.

Ангел всю дорогу на нее пялился, и ей было приятно. С легкой руки жены пришлось надеть пиджак – мало ли кто узнает. Ангел тоже вырядился, теперь он всегда надевал костюм из того самого магазина. Тогда он успел прихватить кое-что и для себя. И какая бы ни была погода, жара или дождь, не важно, всегда на нем был восхитительный строгий костюм и галстук-удавка. Но сейчас он представлял собой зрелище ужасное – «денди» в шикарном наряде с белыми крыльями за спиной, весь перепачканный, в пыли, ползающий по полкам магазинов с высунутым языком. Ангельский пот лил ручьями, наводняя маленькие лавчонки, а толку никакого.

– Продали! Я же говорю, все продали! – снова воскликнул он, спрыгивая с книжных пыльных небес.

– Я знаю, куда нужно ехать! – воскликнула Галя, отряхивая Ангела. – В самый крупный магазин в городе – Мир Книги!

– В Мир так в Мир, – согласились они.

Длинные галереи книжных полок, сотни метров книжных залов, целые этажи книг! Где-то здесь должны находиться его четыре маленьких детеныша. Четыре крошечных создания, которые затерялись в этой гигантской книжной стране.

– Как мы их здесь найдем? – воскликнул Леонидов.

– Целое кладбище! Братская могила! – проворчал Ангел, оценивая масштаб поиска, закатывая рукава.

– Я подойду к той девушке за компьютером, и через ми-

нуту мы будем держать твои книги в руках, – нашлась Галя.
– Не интересно! – вошел во вкус Ангел, – будем искать!
И снова – полка за полкой, стеллаж и еще один, проход, другой, третий, секция, отдел, этаж, крыша! А Леонидов стоял посередине торгового зала, озирался по сторонам и думал:

Сейчас на какой-нибудь полке появится его книга, и он будет на нее глазеть. Интересно, что он будет чувствовать. Это как в первый раз отвести своего ребенка в школу, а потом издалека наблюдать, как тот совсем один, без родителей, робко заходит туда; это, как получить его аттестат, взять в руки его первую грамоту, первую награду. Да, что уж там – отправить в космос! А потом стоять на этой большой Земле маленькой черной точкой, песчинкой и с гордостью смотреть наверх. И вот блеснуло что-то в звездном высоком небе. Это он! Это его корабль! А ты маленькая песчинка, крошка, точка, затерявшаяся на планете, а твой сын там, он на недостижимой высоте! Люди идут рядом, поднимают головы, тоже смотрят наверх. С них спадают шляпы, они топчут их, толкаются, но опять идут, ничего не замечая, потому что невозможно оторваться от яркого свечения, от удивительного полета – полета на недостижимую высоту. И если стоит писать книги, то такие, от которых исходит яркий свет и тепло, и стоять они должны на высоте полки, благосклонно смотреть на тебя, как смотрит икона из рамы, как луч пробивается сквозь окно, как...

– В нашем магазине их не было, – спокойно ответила де-

вушка за компьютером.

– Как не было? – переспросила Галя. Она была потрясена.

– Как не было? – заорал Ангел. Он был взъерошен, ужасно перепачкан и изрядно помят. За это время успел перепачкать всю страну книг на животе от полки до полки...

– Не было, – повторила девушка и равнодушно отвернулась.

– А ну-ка, давай, оторви свой зад от стула и пошевели пальчиками толстыми по клавиатуре. Расселась тут, курица! – выдал он. – Устроила насест! Лежбище! – продолжал Ангел. – Чертова кукла! Ты знаешь, что такое написать книгу?! Ты знаешь, как сложно ее продвинуть, отпиарить, отколбасить, ... то есть, отпечатать и принести сюда. А ей лень, видите ли, зад свой поднять...

Он мог говорить все что угодно, она все равно его не слышала, даже не видела, хотя это было к лучшему. Выглядел он ужасно – не по-ангельски. Но то, что она его не видела, Ангела раздражало еще больше! Он уже заскочил на стол, уселся на него верхом, свесил ноги, поставив их на ее белое платье, и начал дубасить девицу по голове.

– Ты будешь работать, курица, или тебе помочь? Или тебя носом твоим гламурным так ткнуть в монитор, что он расплющится? Или твои мозги заплыли тупостью, что уже ничего не соображаешь? А ну-ка, пошла отсюда! Давай, давай! Катись, клуша...

Вдруг он замер, в ужасе уставившись на экран: – Не бы-

ло! – воскликнул он. Потом обернулся на Галю и Леонидова и, прокручивая длинную базу данных в компьютере, снова повторил: – Наших книг здесь не было! Точно не было!

Снова уставился на девушку, снял ноги с платья, погладил ее по голове и чмокнул в лобик: – Ладно, пупсик, прости. Это я так, не со зла. А похудеть тебе все равно не мешало бы.

И, спрыгнув со стола, развел руки-крылья от беспомощности.

Потом они ни с чем возвращались домой, и Галя успокаивала его, сегодня он перетрудился больше всех и переволновался, нужно все-таки уметь держать себя в руках, и в крыльях ангельских тоже.

Теперь Ангел выхаживал по комнате, широко жестикулируя-дирижируя, а Галя говорила по телефону, включив громкую связь:

– Я не понимаю, в каких магазинах лежат наши книги – о них никто не слышал! Прошел уже месяц! Целый месяц! Дайте нам адреса магазинов!

На том конце трубки зависло спокойствие и здравомыслие. И некоторая усталость объясняться с назойливыми клиентами.

– Ваши книги давно лежат в магазинах.

– В каких? – хором спросили они.

– В электронных, – ответил уставший голос. – Никуда ездить было не нужно и ничего искать, достаточно было вклю-

чить компьютер.

– В электронных? – тихо переспросила Галя, – почему в электронных?

– Потому что мы работаем с электронными магазинами, – спокойно ответил уставший издатель.

– Но, вы нам не говорили, что работаете только с ними?

– А вы и не спрашивали, – разумно ответил тот. – Но, не волнуйтесь, по договору мы обязаны продавать ваши книги – вот мы и продаем. Какая для вас разница – где продаем?

– И что, нет ни одного магазина, где бы книга лежала, где можно было бы взять ее с полки, полистать, потрогать руками?

– Вы не волнуйтесь, – повторил он. – Миллионы людей покупают книги в электронных магазинах, потом их курьеры доставляют, и они попадают к людям. Те их берут в руки, листают, как вы сказали, трогают и даже читают.

– Да?... Ну, хорошо, – сдалась Галя, – и сколько уже продано таким образом наших книг?

– Сейчас посмотрю, – ответил спокойный голос, и сердца этих трех учащенно забились.

– Тысячу! – заорал Ангел – благо, его не слышали, – Две тысячи! Три!

Он кричал, задирая крылья кверху, махал ими, и трудно было ему не поверить.

– Ни одной, – спокойно ответил издатель.

– Как ни одной? – опешила Галя.

– Вы не волнуйтесь. Книжная торговля – дело не быстрое. Только неделю назад мы смогли их разместить в магазинах, заключить договора. Ждите! Мы обязаны продавать ваши книги, значит будем их продавать... продавать... продавать..., – эхом вибрировал его голос, отражаясь от стен.

Галя повесила трубку и воскликнула: – Интернет-магазины! ИЩЕМ!

Она переходила с сайта на сайт, щелкая по клавишам. Наконец Ангел, не выдержав, аккуратно подвинул ее на стуле, и нескончаемая лента потекла над головами:

Один, другой, пятый Интернет-магазины светились знакомыми обложками. Они плыли по воздуху, и длинные аннотации шли следом:

«ЧЕЛОВЕК ОКУНАЛ СВОИ НОГИ В ТЕПЛЫЕ ВОДЫ ОКЕАНА...»

Океан шелестел, набегая настойчивой волной, листал страницы, обложки сияли в этом бесконечном пространстве, где-то сидели люди, миллионы людей, они искали книги и нажимали на клавиши – «купить», «в корзину», «оплатить».

– ЕСТЬ! – устало проворчал Ангел: – Леонидов, мы сделали это! ЕСТЬ!

Десятки магазинов светились электронными обложками, на электронных полках стояли электронные книги, а электронные деньги уже текли в электронный банк. И уже виделось, как настоящие живые курьеры неслись по городу, развозя их по квартирам и офисам, по скамейкам в парках, по

улицам и библиотекам. Люди брали книги в руки, листали, трогали и, наконец, читали.

13

– Созвонимся позже, в другой раз! – вспомнил он последние слова Алки, Аллы, Аллочки. Прошел месяц. Он ей больше не звонил, отослав свои книги на ее почту. Думал, что она прочитает и сама перезвонит. Обязательно перезвонит! А как же еще? Когда? Четыре книги – это немало, несколько дней можно на них потратить. А у нее дети, у детей кружки, масса других дел, муж – крупный издатель, которому нужно уделять внимание, время. Просто, пока не успела, не было времени. Неделя, другая и третья. Но, она почему-то не звонит. И сейчас, спустя месяц, он решил напомнить о себе.

Подойдя к телефону, набрал ее номер. Не рискуя снять трубку, вспомнив, как та раскалилась в прошлый раз, включил громкую связь. Из телефона повеяло шумом города, жарким днем, суетой и, наконец, пронзительный свист летящей ракеты или машины, а может, какого-то другого движущегося аппарата заполнил его маленький кабинет.

– Алло! – в сумасшедшем ритме и безудержном движении расслышал он ее голос.

– А, Леонидов! Ты что ли? – она была очень рада, но снова торопилась. Он тоже был рад слышать ее.

– Как дела? Куда ты пропал? – кричала она, а ветер сви-

стел, вырываясь из динамиков телефона. Наверное, сейчас она совершала прыжок с парашютом, и ей не очень удобно было говорить. Но Леонидов тоже раскрыв свой парашют, летел рядом, даже сумел ухватиться за ее строп. А вокруг парили еще десятки, сотни людей. На мгновение показалось, что он знает кое-кого из них. Один был похож на продюсера Силаева, другой на издателя-грузчика, под парашютом которого балластом висел целый воз книг, и он пулей под таким весом неся к земле. Грузчик продолжал таскать свой груз даже на небесах. Все эти люди находились под красивыми раздувающимися разноцветными куполами, и почему-то в изумительных костюмах и платьях от Медильяне и в строгих галстуках. Абсолютно все. А он в джинсах и майке по такой жаре совсем не соответствовал этой компании. И еще понял, что здесь безумно холодно, а жаркое лето оставалось там, далеко внизу. Он уже замерзал, он покрывался сосульками. Как правы были все эти люди, одевшиеся по такой погоде, непогоде. Пожалуй, в следующий раз, когда он будет ей звонить, придется надеть телогрейку. Нет! – в ужасе подумал он. – Надеть восхитительный костюм, который пока скучал на вешалке в шкафу.

- Ты прочитала мои книги? – пытаюсь перекрыть встречный ледяной ветер, поинтересовался он.
- Книги, какие книги? – удивилась она.
- Мои! – повторил он.

– Ах, да, твои книги... Фу, черт! Ну, да... Твои книги... Леонидов, я не успела! Такая гонка, такая суета! Давай созовемся позже! Я сейчас в такой беготне, таком цейтноте! Позже, Леонидов! Позже! В другой раз. Потом!

А ветер все упрямее бил в лицо, рвал на части маленький скромный купол над головой, унося его далеко в сторону.

– Когда? – крикнул он в последний раз.

– Позже... Потом!.. Через неделю... Через две-е-е-е!.. – летело на прощанье. Наконец, он потерял ее из виду. Десятки, сотни парашютов уже закрывали своими пестрыми куполами, забирая ее с собой.

– Наверное, все они летят за своими детьми на кружки. Летят и торопятся, – подумал он, совсем не обижаясь. – Значит, в другой раз. Позже. Потом. Через две недели.

Он аккуратно приземлился в свое кресло и только теперь понял, как замерз. Околел! Он весь был покрыт инеем и коркой льда, а в руке, как огромный леденец, была зажата прозрачная сосулька. И все равно, он рад был услышать ее голос. Очень рад! А далекая сумасшедшая весна снова подмигнула ему хитрым глазом.

Сразу же зазвонил телефон. Подумав, что это Алка, приготовился опять мерзнуть, хотя, наверное, она уже приземлилась и могла спокойно перезвонить из места, где было тепло и было лето. Но телефон издавал звуки мощных турбин, убедительно высвечивая номер Петрова.

– Привет, старик! – прозвучал уверенный голос. Как дела, как издательский «бизьнесь»?

«Бизьнесь», – прозвучало несколько издевательски, но Петров любил такой сарказм. Иногда это помогает жить.

А шум нарастал. Его друг теперь был не на палубе сверкающего лайнера, корабль его был меньше размером. Не было реи и парусов, зато мощные моторы разрывали тишину, уверенно толкая морскую ракету в неизвестность. Вокруг по-прежнему виднелось бесконечное море или даже океан. А на Петрове был надет морской китель и капитанская фуражка.

Ледяная сосулька продолжала жечь нестерпимым холодом руку, и Леонидов с удовольствием бросил ее в это море. Та зашипела на поверхности голубой волны и растворилась с сожалением, но навсегда. Петров оказался, как всегда, вовремя.

– Ну, как, Алка тебе помогла? – бодро спросил он. – Алка... Ну, Алла, Аллочка?

– Пока нет, – ответил Леонидов.

– Нет? Ты что, ей не звонил, старый скромник? – возмутился Петров.

– Почему, позвонил, – признался он, – отправил рукописи. Просто, она пока не успела. Была занята. Не было времени.

– Ну вот, отправил, – похвалил Петров. – Вот и хорошо. Давай, береги ее, нечего тянуть. Можно раз за 20 лет уделить внимание старинному другу.

– Все будет нормально, – сказал Леонидов. – Поможет. Конечно, поможет. Пока не успела.

– Ну вот, так-то. Вот и хорошо. Таким, значит, курсом, – успокоился Петров.

– Как твой фильм, как министр?

– Все путем, – перекрикивал шум моторов Петров. – Фильм снимаю. Правда, министр денег на канал пока не даст. Ну, и ладно. Пусть не дает. Главное фильм. Главное Театр. Прорвемся.

– Да, прорвемся! Конечно, прорвемся! – согласился Леонидов. – А канала вообще не будет?

– Почему же, – сказал Петров, – будет. Только... другой. «Трижды три» или «Пятью пять» – я точно не помню.

– Канал о Театре?

– Не совсем, – тянул с ответом Петров. – Развлекательный канал. Фильмы, шоу, «мюзика». Ну, сам понимаешь, все как обычно!

– Экшен!? – переспросил Леонидов.

– Точно, экшен! – засмеялся Петров.

– Где же ты будешь показывать свой фильм?

– Найдем! Обязательно найдем. Думаешь, мало людей, которые хотят посмотреть фильм о театре? Миллионы!

– Да, миллионы, – согласился Леонидов и задумался.

– Пришлось уволить сценариста, – продолжал Петров, уверенно, стоя на мостике, широко расставив ноги и крепко держа штурвал, – он получил выгодный заказ и теперь занят

на объекте.

– Заказ на другой сценарий?

– На какой сценарий? На сварку. Он же сварщик.

– Ну и пусть себе варит, – успокоил его Леонидов.

– Да, я тоже думаю, пусть варит. Пусть варит, – согласился

Петров. – Алка тебя не приглашала на вечеринку? – вдруг спросил он.

– Нет, – удивился Леонидов, – какая вечеринка?

– Ну, как же? Да, ты не знаешь! Ни черта ты не знаешь! – ответил Петров, – у нее теперь собирается весь бомонд.

– А тебя пригласила? – спросил он.

– Нет. Пока нет, – признался Петров.

– Значит, мы с тобой пока не бомонд, – засмеялся Леонидов.

– Не бомонд! Это точно – не бомонд! Но, мы еще свое возьмем, старик, еще устроим такую вечеринку, мало не покажется, – и он поправил капитанскую фуражку на затылке.

– Ну, давай, старик, не пропадай, – закончил он. Его голос уже таял и растворялся в реве мощных моторов, а ракета, набирая обороты, мчалась по волнам в бесконечность морских просторов. Неслась в неизвестность, летела навстречу судьбе. Только не было на ней парусов...

– Вечеринка, – подумал он. – Вот почему все эти парашютисты были так одеты. Они летели на вечеринку. Сначала за детьми на кружки, а потом на вечеринку. Это был бомонд. Летающий бомонд в костюмах от Медильяне.

Собаки больше его не беспокоили. Они не исчезли совсем, но совершали набеги временами и поодиночке. И, что самое удивительное, они превратились в жалких дворняжек, которые лаяли все одинаково, издавая одни и те же звуки.

– Господин, Клейзмер! Миллион... Миллион... Миллион...

– Я не даю интервью, – отвечал он.

– Гоша!.. Миллион!.. Миллион!..

– Не даю! Не даю!

– Гоша!.. Ногти!.. Волосы!.. Борода!

– Интервью не даю!

– Консерватория!

– Нет! Нет!

Теперь ему было весело, и он вежливо, пунктуально снимал трубку, чем их злил. Как близок был этот человек – позвони ему и ты услышишь его голос. Обязательно услышишь! Но, как далек он был. Он ничего не хотел объяснять. Он издевался над ними...

Нет, не издевался. Просто эти псы, породистые, знаменитые, холеные и прилизанные, отпиаренные и зубастые, – палец в рот не клади, – стали теперь маленькими и безобидными шавками. В последнее время они так уменьшились в размерах, что, проходя по улицам, он боялся на них насту-

пить. По телефону голоса их были едва слышны. Лишь какое-то вялое поскуливание. И ему по-настоящему было их жаль. Как они могут изо дня в день задавать одни и те же вопросы? Если они спрашивают об одном и том же, значит, они знают только это? Только это их волнует. Этим они живут! А мир так многогранен! Он так велик! Он бесконечен! Стоит повернуть голову немного в сторону, задуматься, помечтать о чем-то, посмотреть на этот мир другими глазами – своими глазами. Ведь у них остались эти глаза! Богом данные глаза и Дарвиным тоже. У каждого свой взгляд и мысли, свой путь, точка зрения, мировоззрение! Почему он слушает музыку? Потому что ни единая нота не повторяется, а каждая фраза уникальна! Каждая музыкальная история потрясает. Уводит в бесконечность. А нот в октаве всего двенадцать. А нот миллионы, но у каждого музыканта они свои. А у этих всего несколько слов: «Миллион, борода, ногти, волосы... Волосы, миллион, миллион». И живут они, и говорят лишь несколькими словами! И думают! А мир так велик и многомерен. Так сложен, что миллионы слов не объяснят его.

В огромном старинном зале собирались люди. Конечно, десятки камер и журналистов – тех, кто вертится всегда рядом, не без этого, но дело совсем не в них. Сегодня здесь собралась почтенная публика. Ученые со всего мира. Самые высокие умы, великие головы современности. ЭТИМ не нужно прикрывать незнание или невежество костюмами

от великого волшебника и мага Медильяне! ОНИ закончили свой Оксфорд или что-то подобное, получили лучшее образование и теперь учили других. Поэтому тоже сидели в костюмах... от Медильяне. Парадокс? Но все было именно так! Великий маг одел всех! Вся элита, какой бы она ни была, одевалась непременно в его наряды! Почему? Этого не знал никто! Королевские персоны, потомки голубых кровей, лучшие умы, умницы, выдающиеся личности – все собрались здесь! И все были в его костюмах!

Сегодня они пришли чествовать нескольких принятых в элитный Клуб, заслуживших это своим нелегким трудом. Несколько избранных гениев! Такая премия вручалась ежегодно! На планете собирались по крупницам единицы-уникумы, которые попадали в короткий список, и Клейзмер был одним из них! Сюда он не мог не пожаловать. Да и денег здесь не вручали – жалкие несколько тысяч, которые можно истратить на дорогу или на костюм. Главное – ПРЕМИЯ и признание всего человечества! Здесь не было ни собак или пчел, ни других представителей братьев наших меньших – только Люди, Элита, лучшие из Людей. Здесь он должен появиться! Это не то место, которым можно пренебречь!

Кресла для нескольких избранных зарезервированы были в первом ряду. Самые почетные. А вот и табличка «Klazmer» – она бронзовыми литерами отсвечивала его имя. И начинается действие! Король восходит на трибуну и зачитывает речь. Клейзмера пока нет, но сейчас он войдет –

бородатый, нестриженный, с длинными ногтями, прищуренным лукавым взглядом, и непременно в таком же костюме — иначе нельзя! Иначе не положено! Войдет, окинет ряды, и эти люди, знаменитые, заслуженные, великие будут ему аплодировать. А дворец замрет в восхищении, и снимет шляпу свою. И будут аплодировать гению, который своим умом опередил время, приблизив мир к заветной черте. Зал в ожидании замер. Спокойный голос короля продолжает речь, голос его отражается от стен. Сотни лет лишь самые достойные собирались в этом зале. Стены его повидали многих, привыкли ко всему, но этот человек! Этот гений!.. Опаздывает? Нет, задерживается. Гению позволительно всё. Но, только ему.

У старинных деревянных дверей стоят люди, готовые впустить его сюда! Вот уже первый избранный поднимается на сцену, и ему вручают грамоту, уже второй, но Клейзмера все нет! А эти грамоты, эти бумажные свитки, смотрятся как индульгенции, как земной пропуск в Рай! Это не зеленые бессмысленные бумажки, пусть их даже целый миллион! Пустить, развеять их по ветру, и через мгновение о них забудут. ЭТИ забудут точно. Даже не заметят такой мелочи. Не обратят внимания! Но, этот свиток! Его не взять нельзя! Но Клейзмера все нет!

Такого еще не было! Такого быть не могло! Пора бы и честь знать, господин Клейзмер! А его все нет!

Да кто вы такой? Обычный гений! Таких единицы? Таких

вообще нет? Есть места, куда нельзя не приходиться! Может, вы и в последний свой час перепутаете двери и опоздаете! А табличка бронзой все отливала, светясь на пустом месте.

Сейчас ОН войдет, – пронеслось по залу. – Сейчас двери откроются, и ОН войдет!

К королю подошел человек и что-то прошептал на ухо. Тот подтянулся, поправил костюм и направился к Клейзмеру. Нет! К пустому креслу. Зал в ожидании замер! Зал затаился, стены напряглись, потолок натянулся старинными перекрытиями! Такого здесь еще не было! И рядом с табличкой «reservado» на пустое сиденье ложится волшебный свиток-грамота, свиток-признание, свиток-пропуск, пропуск в Рай. Король поклонился пустому месту и покинул зал. А люди на местах выдохнули, они уже задыхались, они не в силах были таить в себе молчание, и тут их словно прорвало!

– Да, кто он такой?

– Это переходит всякие границы!

– Нужно и ЧЕСТЬ ЗНАТЬ, господин Клейзмер!

– Честь... Честь... Знать... Знать...

Долго еще стены отражали эти слова гулким эхом, пока не растворились и не умерли навсегда. Такого еще здесь не было никогда!

Они с Галей снова шли по короткому коридору, коридор-

чику, и разноцветные таблички контор и офисов переливались разными цветами. «ИЗДАЕМ И ПРОДАЕМ» – гордо светилась в конце коридора. Прошло уже два месяца с тех пор, как они заключили крохотный договор... договорчик. И теперь пришли сюда снова. Усталый маленький издатель равнодушно встретил их и проводил к столу. Книг здесь стало еще больше. Значительно больше! Они уже закрывали все проходы, поднимались до потолка, подпирая его великими мыслями, судьбами, придуманными и не придуманными историями, книжной силой и мудростью. А вот и коробки с его книгами. Они приветливо смотрели на своего хозяина. На своего автора! Наконец, явился! – говорили ему они. И какая-то идиотская радость охватила Леонидова. Здесь находились его книги! Тысячи книг! Они не испортились, не устарели, не запачкались – были аккуратно сложены в красивые коробки и стояли там, где их оставили два месяца назад! Он и не надеялся снова увидеться, но они были здесь и ждали его. И он почувствовал себя рядом с ними как дома... Потом очнулся...

Галя о чем-то говорила с маленькими издателями на повышенных тонах:

– Но, почему за два месяца не было продано ни одной книги? Вы взялись за это! Мы заплатили деньги! Вы обязаны были их продавать!

Издатель устало на нее посмотрел. Он давно устал от объяснений, поэтому монотонно привычно объяснял:

– Мы должны были напечатать ваши книги?

– Да, – нервно ответила она.

– Они перед вами, – показал он. – По договору, мы должны были их продавать?

– Конечно! – воскликнула она.

– Так мы их и продавали! Они лежат в десятках электронных магазинах.

– Но вы не продали ни одной! За два месяца!

– Потому что их не покупали! – взвизгнул издатель. – Но мы продавали их! Продавали! Понимаете меня? Мы взялись их продавать, а не продать, а это большая разница! Это две разные вещи – почитайте договор! И мы его выполняли! И будем выполнять до конца срока, то есть, до конца года!

– Что же теперь? – спросил Леонидов.

– Теперь ничего... Ничего теперь... Мы будем продолжать их продавать, как и делали это раньше. Или вы можете их забрать – это ваша собственность... А хотите, они еще полежат здесь... До конца года.

– Ну, уж нет, – воскликнул Леонидов, глядя на коробки со своими книгами. Он не мог и не хотел их оставлять здесь ни на год, ни на месяц, даже на день, и теперь ставил последнюю подпись в этой фирме... фирмочке...: – «Товар получен»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.